

Снова и Снова

АЛЕКС КОВАЛЬ
АННА МИШИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Коваль
Анна Мишина
Снова и снова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69299398

SelfPub; 2023

Аннотация

Их жизнь – лёд. Их цель – золотая медаль. Хоккеист и фигуристка – что может быть общего между ними, кроме ледовой арены? У Кира с Женей нет права сдать и нет времени распыляться на чувства. Снова и снова пряча страхи и сомнения, отключая эмоции, они упрямо движутся вперёд, ведь второго шанса может не быть. Но что, если в игру вступает любовь? Любовь – способная растопить лёд в их сердцах. Любовь – яркая, обжигающе-нежная и такая искренняя. Как повернётся судьба и кто из “ледяной пары” готов пойти на уступки ради сильного чувства? Ведь от своей мечты не так то просто отказаться.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	10
Глава 1. Женя	10
Глава 2. Кир	14
Глава 3. Женя	22
Глава 4. Кир	29
Глава 5. Женя	33
Глава 6. Кир	43
Глава 7. Женя	52
Глава 8. Кир	61
Глава 9. Женя	68
Глава 10. Кир	73
Глава 11. Женя	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алекс Коваль, Анна Мишина Снова и снова

Пролог

“Еще один день.

До соревнований осталась буквально неделя, и тренер зверствует. Но я-то знаю, что смогу выйти в призеры. Главное – не растерять свой боевой дух. Главное – чтобы на глаза не попался Кир.

Кирилл Дёмин.

Потому что при одном взгляде на него мое сердце и разум начинают жить своей жизнью. Ведь только представить: Кирилл Дёмин и Евгения Ковальчук...

Я люблю его, и мне безумно неловко за свои чувства, ведь я прекрасно понимаю, что это безответно. Никогда в жизни я не смогу ему признаться, ведь он, скорее всего, рассмеется в ответ.

Где он, а где я”.

– И долго ты тут будешь отсиживаться? – в раздевалку заглянула Леся, заставляя меня быстро захлопнуть тетрадку

и спрятать в сумку. — Ольга Павловна ждет всех на льду.

— Бегу уже, — запихнула рюкзак в шкафчик и бегом направилась за Лесей к катку, подхватывая по дороге коньки. И правда, засиделась совсем, "летая" в своих мыслях. Впереди очередной прокат тяжелой программы, которая требует предельной концентрации. Лед не прощает ошибок. Никаких ошибок. Ни в мыслях, ни в действиях. Ни одна проблема, вставшая на твоём пути, не должна отразиться на работе. Лед не простит и не поймет.

После изнуряющей тренировки я выползаю, а не выхожу. В раздевалке девчонки трещат, переговариваются. Отборочный тур — один из важных, тут либо попадешь на чемпионат, либо нет. Быстро в душ и собрать сумку. Только сейчас замечаю, что мой ящик открыт. Сердце пропустило удар. Я не могла забыть его закрыть. Оглядываю внимательно девочек. Никто не обращает на меня внимания. Достая сумку, ставлю на колени и ищу ее, мою тетрадь, где я выплескиваю все свои мысли и переживания. Немного отпускает, когда натыкаюсь на нее на самом дне. Открываю и вижу, что сегодняшний лист, что исписала перед тренировкой, вырван. Нет, только не это! Ищу глазами Лесю. Только она видела, как я прячу несчастную тетрадь.

Ее шкафчик закрыт и вещи отсутствуют. Значит, так называемая подруга уже переоделась.

Рывками натягиваю спортивный костюм, в сумку отправ-

ляю коньки и выбегаю из шумной раздевалки.

В фойе, и без того не пустующем во время тренировок, сейчас скопилось прилично народу. Приехали хоккеисты. Ребята все как на подбор, высокие, красивые. Его я узнаю сразу. Даже со спины. Широкий размах плеч, походка. И эти слегка выющиеся и непослушные каштанового цвета волосы, которые так и хочется поправить, убрав пару прядей со лба. Вот он. Еле заметная улыбка коснулась моих губ. На мгновение теряюсь, как это бывает всегда рядом с ним. Но вот и Леся появляется в поле зрения. Ее рыжие волосы видно издалека. Такие неестественно яркие, словно природа с рождения пометила ее как опасного человека, как делает это, например, с лягушками. Те, что ядовиты, имеют яркий окрас. Я стою на балконе второго этажа, слегка склонившись вниз, и вижу, как эта мымра бежит в сторону ребят. Сердце замирает и тут же начинает отплясывать бешеные танцы, как это бывает на льду. Когда ты понимаешь, что нельзя ударить в грязь лицом перед комиссией, но одно неловкое движение – и лед стремительно приближается.

– Эй, ребята, Кир привет! – бодро, с улыбкой от уха до уха, перекрикивает гул Леся.

– Нет, она не сделает этого, – шепчу себе под нос. Машу головой, не веря, что это действительно происходит, и вижу, как Леся отдает в руки парня моей мечты сложенный вчетверо листок.

– Черт! – срываюсь с места и, расталкивая попадающихся

мне на пути ребят, несусь по лестнице через ступеньку. Но когда я подбегаю к толпе, до моего слуха долетают обрывки слов, зачитываемые Кириллом с того самого листочка:

– ... Дёмин. Я люблю его, и мне безумно неловко за свои чувства, ведь я прекрасно понимаю, что это безответно. Никогда в жизни я не смогу... Ковальчук... – громко и с издевкой. Стыдно невероятно! Самое сокровенное! Дрянь, Леся. Пропуская мимо ушей шепотки и улюлюканье команды Кира, разъяренной фурией врываюсь в толпу. Чувствую, как в висках стучит пульс, а щеки горят. Я ловлю на себе взгляды. Десятки смеющихся взглядов.

– Маленькая дурочка...

– Смотри, а вот и любимая, Кирюх...

В считанные секунды я оказываюсь перед Кириллом. Леся стоит чуть в сторонке и ехидно улыбается, глядя на меня с вызовом.

Перевожу взгляд на парня. Тот застыл с улыбкой на губах и листом в руках. В его синих глазах плещется насмешка. Конечно, чего я еще могла ожидать? Но такой подлости... это уму непостижимо.

– Отдай мне это, – голос не дрожит, в отличие от рук.

– А ты разве не мне это писала, а, Ковальчук? – смеется парень. Я делаю рывок, пытаюсь схватить несчастную бумажку, но Дёмин отводит руку. Он выше. Гораздо. И я только хватаю рукой воздух. – Особенно мне понравилось "где он, а где я", – под гогот парней из команды цитирует па-

рень, – трезво оцениваешь свои возможности, фигуристочка. Я больше девушек люблю, плоскодонки меня мало интересуют.

"Зрители" в фойе начинают хохотать и плескаться ядом. Я готова провалиться прямо сквозь этот несчастный бетон, на котором стою. Только бы оказаться подальше.

– Прекрати... – говорю уже не так уверенно, но взгляда от парня не отвожу. Гад. Всегда им был, но я, действительно, дура глупая, верила, что у этого "ледяного короля" есть сердце.

– Ты еще зареви, – усмехается Леся.

– Хватит, Кир, отдай ей эту несчастную бумажку, – слышу за спиной знакомый голос, кажется вратаря "Барсов".

– Да ладно тебе, Серый, смешно же.

Не представляю, сколько бы еще продолжался этот спектакль, но мое унижение прекращает, неожиданно появившийся, тренер хоккейной команды.

– Я не понял! – слышится грозный рык. Толпа мгновенно затихает. Дёмин корчит недовольную физиономию и поворачивается. К нам, распахивая локтями зевак, как танк, движется Семен Семеныч.

– Дёмин! Ты что тут опять за слет фанатов устроил, а? Я тебе говорил, еще раз опоздаешь на тренировку, голову откручу. Ну-ка дай сюда! – рванул тренер мой листок из рук парня, быстро пробегая глазами по строчкам. – Что за...

– Отдайте!

Вырываю лист бумаги из рук мужчины. С остервенением комкаю свое "глупое признание" и, сделав пару шагов к Лесе, замахиwaюсь. Вкладывая в удар всю свою боль и презрение. Пощечина выходит звонкой, даже оглушительной в замершей и притихшей толпе.

Меня трясет от злости и обиды. Я оглядыwаю присутствующих, окунаясь в целую гамму чувств в глазах зевак. Злые, заносчивые, ехидные и всего малая доля сочувствующих. Смотрю на Кира, встречаясь с его фирменной ухмылкой и, развернувшись, бегу на выход, сдерживая подступающие слезы. Единственный человек, к которому теплились настоящие чувства, своим презрительным взглядом все перечеркнул, раскромсал, как лезвие конька гладкую поверхность льда. Оставил шрам, глубокий и кровоточащий.

Часть 1

Глава 1. Женя

Шесть лет спустя...

Еще немного. Произвольная программа сложная. Поэтому дается с трудом. Но я выполняю ее. Отбор – сейчас именно то, к чему стремлюсь.

Шаги, позволяющие набрать скорость. Еще немного и ... прыжок. Раз, два, три оборота и снова срываюсь, падая.

– Женя, эта вторая попытка! – кричит тренер. – Давай на новый заход, ты должна выполнить этот аксель, – звучит команда.

И я, как послушный солдат, не осмеливающийся сорвать приказ, отдышавшись, поднимаюсь на ноги. Они уже не слушаются, в легких огонь, я на пределе, но не имею права сдаваться. Прокатываюсь по всему периметру катка, набирая скорость для новой попытки.

– Начинай заход на лутц, попробуем изменить тактику. Давай Жень, – тренер стоит у бортика. На катке еще пара фигуристов, тоже тренировка программ. Но мне на них наплевать.

Кто-то командует, и двое фигуристов покидают каток, оставляя меня в гордом одиночестве. Боковым зрением за-

мечаю какое-то движение на арене. Но я настроилась на выполнение фигур. Я не хочу менять Аксель на Лутц. Поэтому собираюсь послушаться тренера и выполнить программу как положено. Меня, конечно, разнесет потом, но я должна.

Скольжение, заход слева направо. Ребро, толчок, раз, два, три ... да, приземляюсь как положено. Скольжение. Три с половиной оборота. Уже вижу, как тренер уперлась руками в бока.

Шаги. Я не тороплюсь к бортику. О, кажется, я задерживаю тренировку хоккеистов. Еще одну фигуру и все, могу считать, что сегодня отработала сполна.

Перехожу на бильман, вращение с удержанием ноги за конек над головой. И да, до слуха доносится одобрительное улюлюканье парней. Еще бы, вертикальный шпагат! Еще пара дорожек, и я заканчиваю программу, останавливаясь в центре, и под аплодисменты направляюсь к тренеру.

– Что это было? – зло ворчит Ольга Павловна. – Внимания захотелось? Так вот, пройдешь отборочный, там и получишь внимание.

– Простите, – виновато опускаю взгляд вниз. Хотя виноватой себя и не чувствую.

– Пойдем, и так задержали ребят. Еще разбор, зайдешь в тренерскую, – направляюсь к выходу, где толпится шумная команда.

– Оля, что за срыв? Ты уже как минут десять должна здесь отсутствовать, – ворчит хоккейный тренер.

– Сема, не ворчи, сам понимаешь, работа – она такая, – я хмыкаю про себя. Всегда нравится наблюдать, как эти двое между собой общаются.

Надеваю чехлы на лезвие и, выпрямляясь в полный рост, ловлю на себе восхищенные мужские взгляды, от которых передергивает.

Ребята отступают, пропуская меня и тренера.

– Умеешь ты поставить жирную точку, Женёк! – окликает знакомый голос. Поворачиваю голову и встречаюсь с гордым взглядом двоюродного братца. – Такое шоу...

– Ну, так не зря же, – улыбаюсь Димке и хлопаю его по плечу.

И вроде бы уже прошла мимо выстроившихся по стеночке парней, как что-то привлекает мое внимание. Поднимаю взгляд на последнего игрока и сталкиваюсь с изучающим голубым, почти синим, взглядом внимательных глаз. Боже... Вокруг меня словно образовывается вакуум. Время, на доли секунды, замирает, а дыхание перехватывает. Тело пронзает электрический разряд, пробегая вдоль позвоночника, трясясь где-то в ногах, которые резко отказываются держать. Воспоминания накатывают яркими картинками, когда понимаю – чей это взгляд. Слишком знакомый и слишком волнующий.

Дёмин.

Кир.

Мое сердце на миг останавливается и через секунду про-

должает свое сумасшедшее биение, больше похожее на галоп. Его каштановые пряди выбиваются из-под красного шлема с эмблемой клуба. Снова ощущаю давно забытый зуд в ладонях от желания убрать их с до боли знакомого лица.

Но меня быстро приводит в чувства знакомая самодовольная ухмылка. И как-то резко ко мне возвращается слух. В сознание врывается посвистывание команды в перемешку с противным улюлюканьем. Ребята явно заметили мой ступор и не упустили момент повеселиться.

– А наш новенький не промах, – говорит кто-то из парней.

Пытаюсь придать лицу невозмутимый вид и, гордо вздернув подбородок, прохожу мимо него. Спиной чувствую прожигающий взгляд голубых глаз. Спокойно, Женя! Главное спину прямо, и походка от бедра.

Идя до раздевалки, до сих пор не могу поверить, что спустя столько времени снова вижу его в нашей городской хоккейной команде.

Глава 2. Кир

– Что, с возвращением в родные пенаты, Кирилл Владимирович, – слышу знакомый голос, как только переступаю порог директорского кабинета.

– Соловей? А ты что тут забыл?

Давний друг вальяжно поднимается с кожаного кресла и, давя лыбу во все тридцать два, хлопает по спине.

– Кто-то шайбы на льду гоняет, а кто-то чай в своем кабинете. Менеджер я, в прошлом году заступил на пост.

Неожиданно, но за друга рад. Что ему и сообщаю.

– Чай, кофе, чего покрепче?

– Воды и ручку. Времени в обрез. Если опоздаю на тренировку, Семен пропесочку устроит.

– Давно вернулся в город?

– Вчера только прилетел.

– Предки-то тоже с тобой?

– У бати контракт до конца ноября. Потом приедут.

Друг раскладывает передо мной контракт и протягивает ручку. Пробегаю взглядом по условиям, которые я уже и так выучил, но тем не менее. И размашисто расписываюсь.

– Значит, это тебе я обязан своему переходу в "Барсы"?

– Согласись, команде не помешает топовый игрок, а тебе такие циферки на счете.

Согласен. Да и, откровенно говоря, моя прошлая команда

звезд с неба не хватала и в первые строчки турнирной таблицы совсем не стремилась. Роста ноль. Штиль полнейший. Тесно стало.

В раздевалку залетаю за пятнадцать минут до тренировки. Команда встречает радостными воплями. Много ребят знакомых, коллектив, как на подбор. Пока обмениваюсь рукопожатиями, ловлю злое ворчание тренера. Семеныч лютует и вместо добродушного приветствия дает нагоняй. Вроде я повзрослел. Уже имею определенный вес в хоккейном мире, а гоняют, как зеленого юнца. На лед еще не вышел, а уже "ради профилактики" двадцать отжиманий схлопотал. Чую, тут мне быстро "корону" поправят.

– Говорят, ты вчера нормально в клубе погудел? – приста-ет с вопросами Геныч, пока суетливо зашнуровываю коньки и цепляю килограммы амуниции.

– Кто это у нас местное трепло?

Если новости до тренера дойдут, еще на штрафные санкции налечу. Мне только этого не хватало. Нам любой гудеж и тем более алкоголь по ходу сезона дорого обходится.

– Так Леська. Утром мимо раздевалки проходил, она там в красках расписывала вашу бурную ночь. Отношения, говорит, у вас завязываются.

– Прихлопну, змею.

Руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Знал же, что с этой рыжей бестией лучше не связываться. Какого черта по-

велся вчера на ее смелые танцы!

– Я не понял! Дёмин, двадцатки мало что ли? Сидите тут, как бабы языками чешете. Ключки в руки и на лед, живо!

– Да ладно тебе, Семеныч. Ну, давай по старой дружбе хоть обнимемся, – усмехаюсь, натягивая хоккейный свитер с любимым номером семь. Пришлось малость повоевать, чтобы этот номер в команде закрепили за мной. Небольшой "подкат" Соловью неплохо поспособствовал.

– Я тебя сейчас обниму, оболтус! – грозно машет клюшкой Семеныч, – рукоприкладство в этой команде еще никто не отменял.

– Я знал, что ты рад моему возвращению.

– Рад-рад. Иди давай, – строжится мужик да тут же начинает посмеиваться, по-отечески хлопая по плечу.

Хватаю краги и покидаю раздевалку последним.

Влетаю на арену и чуть не впечатываюсь в замерших у входа на лед ребят.

– Что за...

– Фигуристки, – кивает на лед парень передо мной. Защитник, кажется, Гаврилюк. Перевожу взгляд в центр катка и вижу только одну. Фигуристку.

Движения девчонки плавные и изящные. Она набирает разбег для прыжка, разрезая острыми лезвиями толстую гладь катка. Черный спортивный костюм обтягивает ее, как вторая кожа, выделяя и подчеркивая упругую грудь и стройные ножки. Я конкретно залипаю на ней. Сил нет оторвать

взгляд от ее легкой, будто парящей надо льдом стройной фигурки.

Длинные волосы собраны в пучок. Когда она пролетает весь периметр площадки и эффектно заходит в вертикальный шпагат, с бешеной скоростью вращаясь вокруг своей оси, резинка слетает, разметав густые каштановые локоны по спине.

Сделав еще пару элементов, малышка замирает, и наша команда не может не оценить потрясающего шоу, разрываясь аплодисментами.

– Эффектная девчонка, – тычком по ребрам привлекает мое внимание Геныч.

– Кто такая?

– Евгения Ковальчук, – подмигивает друг, – большая надежда фигурного катания.

Ковальчук, значит. Фамилия кажется знакомой, вот только откуда я могу ее знать – ума не приложу.

– Что, Кир, поплыл?

Поплыл – это громко сказано, но залип не по-детски. И уже даже знаю, где и в какой позе хотел бы видеть эту дерзкую Евгению. А судя по гордо вскинутому подбородку и полному отсутствию смущения, малышка раскрепощена. В моей голове уже зреет коварный план по соблазнению. Я вполне не прочь завоевать еще один "трофей".

– Оля, что за срыв? Ты уже как минут десять должна здесь отсутствовать.

Ох, еще с юншества помню, как эти двое любили "кушаться". За их пикировками наблюдать – сплошное удовольствие.

– Сема, не ворчи, сам понимаешь, работа – она такая.

Девчонка, не обращая внимания на плотоядные взгляды двадцати пяти озабоченных парней, вытянув спинку по струнке, походкой от бедра двинулась на выход.

– Умеешь ты поставить жирную точку, Женёк!

Твою мать, какой знакомый голос. Выглядываю из "хвоста" страждущих полюбоваться на красотку и вижу того, кого совсем не ожидал. Метлицкий.

Та самая Евгения что-то кидает ему в ответ и улыбается. До других ей нет никакого дела.

Она уже почти прошла мимо меня, когда неожиданно переводит взгляд своих серых глаз. На лице мелькает изумление. Идеальная бровь выгибается, и девчонка замедляет шаг.

Красивая, зараза. Идеально симметричные черты лица с тонкими линиями. Аккуратный носик, пухлые губы и большие глаза, прячущиеся за веером густых ресниц. Натуральная, ни грамма косметики. Естественная, неизвращенная красота.

Вижу, что и я ее цепляю. Ухмыляюсь своей самой сногшибательной улыбкой, давая понять, что не прочь познакомиться поближе.

Кто-то из ребят несет абсолютную чушь и начинает мерзко улюлюкать. Евгению это быстро приводит в чувства.

Растерянность мгновенно сменяется отстраненной холодностью. И девчонка, гордо вскинув подбородок, скрывается за дверью.

– Познакомишь, Димыч? – выдает кто-то из команды.

– Эта цыпа тебе не по зубам, Жаров.

– Только подойди к моей сеструхе, все, что ниже пояса, оторву.

Вон оно как, сестра, значит. Это вдвойне подстегивает интерес.

– Что, Метлицкий, история повторяется, – парень переводит на меня горящий яростью взгляд. – Из-за девчонки будем ругаться? – ухмыляюсь, когда лицо давнего врага стремительно багровеет, – не боишься, что снова меня выберет.

– Только подойти к Женьке... – кроша зубы в порошок, рычит парень, – за нее голову оторву, Дёмин, – тычет кулаком мне в грудь.

– Ну-ка, рты закрыли, стадо животных! – врывается в наш междусобойчик грозная Ольга Павловна. – Я до тебя первая доберусь, Дёмин. Нечего мне девок своей голливудской улыбкой и смазливой мордахой совращать. Узнаю, что кто-то из вас ближе, чем на десять метров к моим девушкам подошел, устрою такие штрафные санкции, что год отрабатывать будете. Ясно выразилась?

Страшная женщина – Устинова. Смотрю, даже Семеныч присмирел и смотрит на наше "стадо животных" волком.

– Ответа не слышу.

– Да.

– Поняли.

– Как скажете, товарищ командир, – осталось только честь отдать и в ноги поклониться. Только хер я теперь от этой малышки отстану! Запретный плод – он сладкий самый.

Семеныч сегодня на тренировке прямо зверствует. Видимо, в честь моего возвращения в команду "праздник" пота устроил.

Пока отрабатываем с парнями удар в девятку, замечаю мельтешение на трибуне. Урываю секунду, чтобы встретиться с хитрым взглядом Леси. Внутри мгновенно вспыхивает злость на эту ветреную особу. Она мне задолжала один крайне неприятный разговор. Подругам своим растрепать успела о наших "отношениях", пусть теперь мне расскажет. В лицо. А я послушаю.

Иду в раздевалку, наскоро принимаю душ. Уже на выходе со спортивной сумкой натыкаюсь на Метлицкого, который буквально дышит огнем. Если бы не парни, мы бы точно набили друг другу рожи. Вообще не понимаю, какого хрена он бесится. Баб много, что он к той блондинке из клуба привязался. Ну, было дело: увел, соблазнил, но я откуда, б*дь, знал, что это его пассия. Клейма на лбу не было! Да и на других частях тоже... я проверил.

Поднимаюсь на второй этаж, вроде как обитель этих симпатичных змей где-то здесь.

Бреду вперед по круговому коридору, кивая на приветствия, и утыкаюсь практически в нужную дверь.

Глянул в расписание, тренировка у женской команды уже давно закончилась, значит, раздевалка должна быть пуста. Вряд ли я там кого-то увижу, кроме Леси.

Уверенно дергаю ручку, проникаю в заставленную шкафчиками комнату и с грохотом закрываю за собой дверь. Свет в раздевалке слегка притушен, и стоит почти мертвая тишина.

– Леся!

В ответ тишина. Двигаюсь между шкафчиками, заглядывая в каждый проход. Злость подстегивает и, когда я слышу тихое шуршание за дверью, где душевые, кидаю спортивную сумку прямо на пол и, не раздумывая, захожу.

Отношения у нас, значит? Сейчас я тебе покажу наши отношения.

Глава 3. Женя

Вернувшись в раздевалку, я на какое-то время просто выпадаю из жизни. Минут двадцать сидела и думала, обхватив голову руками. Кир вернулся – это не укладывалось в голову. Я его не видела уже черт знает сколько. После того унижительного случая, когда в мои пятнадцать лет рухнула моя вера во всё хорошее, думала, что "переболела" им. Даже забыться немного смогла, погрузившись в учебу и катание. А тут снова этот взгляд, пробирающий до костей. Словно "привет" из прошлого. И я, снова словившая ступор, как дура, стояла и пялилась на парня да еще и на виду у всей команды. Нереальная дура. Стыдно за себя невероятно!

Однако его фирменная ухмылка быстро привела меня в чувства. И я с удивлением поняла: он меня не узнал. Конечно, спустя шесть лет я изменилась. И сильно. Чего не скажешь о нем: по поведению все такой же семнадцатилетний пацан задирающий девчонок, только вот внешне... возмужал. Очень. Стал в разы опасней, но все равно, он все тот же Кирилл Дёмин – разбиватель женских сердец. Я же теперь точно не похожа на "плоскодонку", как когда-то он приклеил мне ярлык. Нет уже той несуразной, угловатой девчонки. С возрастом формы получили приятные округлости, а занятие фигурным катанием неплохо развивает мышечную массу, добавляя приятной глазу рельефности. Хотя, конечно,

но, учитывая его предпочтения, я до сих пор ни в какие рамки не шла. Сколько помню его многочисленных пассий – одна вульгарщина. Но сегодня я поймала на себе заинтересованный взгляд неповторимых голубых глаз Дёмина. Взгляд, которому, возможно, тогда, давно, я бы обрадовалась. А сейчас мне это уже не нужно. Не для того я себя с успехом ломала столько лет. Мне не нужны отношения. И этот соблазнительный эгоистичный негодяй мне не нужен. У меня нет времени, чтобы распыляться на чувства.

– Жень, Устинова ждет, – кто-то вырвал меня из размышлений. И я, бросив вещи, направилась в кабинет к тренеру на разбор полетов.

– Жень, ты же знаешь, я не буду говорить дважды. Либо мы работаем и готовимся к отборочным, либо иди в тренера. Ты же сама решила продолжить заниматься спортом. Ты хочешь быть конкурентоспособной. Что за самодеятельность ты устроила? Нет, хорошо, что у тебя все-таки вышел этот аксель, замечательные переходы. Есть косяки, и ты сама прекрасно знаешь, где они. Осталось всего пару месяцев. И если мы проходим, то следом олимпийские. А там еще множество соревнований. Я понимаю, есть медали. Но ведь можно еще, правда? Двадцать один, Жень, самый возраст, чтобы двигаться вперед.

– Вы правы Ольга Павловна. Я сегодня перегнула палку. Этого больше не повторится, – соглашаюсь с ней. – Я рабо-

таю и продолжу работать над программой, она мне по душе. Я ею живу, – сложила руки перед собой, сплела пальцы.

– Тогда завтра тренировка на земле. Четыре часа. Свободна.

– Спасибо, – выдавливаю из себя благодарную улыбку и покидаю кабинет.

Тренировки у многих закончились. Остались спортивные секции для малышни, которые расположены на первом этаже. Поэтому на втором царит тишина.

Я не торопясь направляюсь в женскую раздевалку. Достая все необходимое и в последний момент вспоминаю про фен. Закрываю шкафчик на ключ, спасибо Лесе, в свое время хороший преподавала урок. Оставляю на лавке свой спортивный костюм, радуясь тому, что есть запаска. Сегодня тренер выжала из меня все соки. И, недолго думая, иду в душевую.

Захожу в кабинку и открываю теплую воду. Тут же возникают ощущения, что тело становится тяжелее от льющейся воды. Волосы, намокнув, падают и прилипают к спине. Подставляю лицо под струи, сбрасывая с себя этот тяжелый день. В голову снова лезет встреча с Киrom, но я усердно подавляю всякие мысли о нем. То, что он вернулся, ничего не меняет. Моя жизнь – четкий план. И первая цель – пройти отбор.

Невероятное блаженство прокатывается по телу, когда растираю мочалкой с любимым гелем для душа напряженные мышцы. Спорт – это хорошо, но иногда приходится работать на пределе возможностей.

Смыв усталость, выныриваю в запотевшее и наполненное влажностью помещение душевой.

Надеваю припасенные чистые брюки и белую свободную футболку. Достая фен и, устроившись около дальней от входа розетки, включаю его и снова погружаюсь в мысли.

Задумавшись и в сотый раз прокручивая в голове свою произвольную программу, не сразу замечаю, что в душевой уже не одна.

Когда я уже на десять раз пересушила волосы и готова отключить фен, ощущаю легкое прикосновение крепких рук к талии. Краем сознания понимаю, что за спиной кто-то стоит. И этому кому-то совсем не место в женской раздевалке. Но, тем не менее, я теряюсь и впадаю в ступор, не понимая, как реагировать и что вообще происходит. А руки бесстыжим образом продолжают свое турне по моему телу. Одна ладонь проникает под футболку и касается поясницы, в мимолетном жесте пробегая пальцами вдоль позвоночника. Вторая рука поглаживает напряженный плоский животик, задирая хлопковую ткань. Мне бы остановить этот беспредел, но язык отказывается слушаться. Все, на что меня хватает – прикусить губу, чтобы бесстыдно не застонать от удовольствия. От прикосновений незнакомца к голой коже я таю, как кубик льда в горячих руках. Чувствую дыхание на шее. От "гостя" невероятно вкусно и знакомо пахнет гелем для душа. Легкое касание губ у самой мочки уха тут же вызывает табун мурашек, проносящихся по всему телу и скрываясь где-то в корнях

волос на голове. Тело становится невесомым и легким, как пушинка. Дунь – и я взлечу. Боже, я никогда не испытывала таких ощущений, более того, я никогда никому не позволяла к себе дотрагиваться так. Мужчины для меня табу, зло.

Дыхание перехватывает, когда рука, поглаживающая живот, медленно поднимается выше. Перебирая пальцами, подбирается и замирает на налившейся от желания груди, слегка сжимает полушарие и выдавливает из меня сладостный стон. Низ живота скручивает и наливается тяжестью. Непроизвольно откидываю назад голову, упираясь незнакомцу в грудь. Еще немного, и от этих провокационных движений умелых рук я рассыплюсь на мелкие кусочки. Но этот голос с легкой хрипотцой:

– Какая же ты горячая штучка, – у самого уха. Как гром среди ясного неба!

Наваждение слетает вмиг. Я тут же вырываюсь, выдергивая лапающие меня руки из-под футболки и оборачиваюсь, уже зная, кого увижу.

– Ты какого хрена тут забыл? – зло вырываются слова, произнесенные словно не моим голосом.

– А по-моему, тебе понравилось, – ухмыляется эта наглая рожа. Глаза Кира горят огнем. Смотрю, не одной мне эта опасная игра понравилась.

– Тебе показалось, проваливай, пока я тренеру не пожаловалась. Тебе жить надоело, что ли? – резким движением собираю волосы в хвост, хватаю спортивную куртку и выбе-

гаю из душевой.

– Да погоди ты, – не отстаёт Дёмин, хватая меня за руку, и снова притягивает к себе, впечатывая в твердое, как камень, тело. Силы наши явно неравны. – Давай познакомимся хоть. То, что я нащупал и успел потрогать, мне понравилось. Я тебя не разочарую, – большей наглости я и не слышала в жизни.

– Да ты самоубийца, – отталкиваю его, толкая в грудь. – Меня зазнавшиеся индюки не интересуют. Тискать баб по клубам будешь, Дёмин!

– Так ты меня знаешь? Детка, ну это упрощает задачу в разы. Мы тут вдвоем и вроде даже знакомы, почему бы не провести приятно время? – ухмыляется гад, с кошачьей грацией двигаясь в мою сторону. Настоящий снежный барс.

– Сильно сомневаюсь, что с тобой оно пройдет приятно.

Беру свою сумку из шкафчика, и уже практически у самой двери меня заставляет остановиться его реплика:

– Язычок у тебя острый, хотел бы я его на вкус попробовать, – дразнящий взгляд синих глаз выводит меня из себя. Мне требуется всего несколько шагов, резких и стремительных, и я оказываюсь рядом с парнем. Смотрю на него с высоты своих жалких «метр с кепкой» снизу вверх, закипая от злости.

– А ещё у меня рука тяжелая, – говоря это, размахиваюсь и попадаю в цель.

– Ты что творишь, дура?! – хватается за щеку, куда при-

шелся удар, уже хмурый, как туча, Дёмин.

– Приложи холодненького, а то синяк завтра будет, – хмы-
каю я, довольная тем, что смогла дать отпор. Хоть и спустя
долгих шесть лет, но маленькая месть совершилась. Ай да я!
Уроки самообороны прошли не зря.

Подмигиваю негодяю и с чувством выполненного долга
выхожу из раздевалки, громко хлопнув дверью.

Глава 4. Кир

Выхожу с арены заведенный. Что о себе возомнила эта фигуристочка! Чувствую, как место, куда пришелся удар девчонки, уже стало наливаться и, похоже, противно синеть. Заскакиваю в машину и смотрю в зеркало.

– Твою ж...

Чертыхаюсь и, бубня проклятия себе под нос, выезжаю с парковки.

Удар у девчонки поставлен как надо. "Светить" постыдным синяком буду неделю, не меньше.

Да, Кир, такой отворот-поворот в твоей насыщенной жизни впервые. Положа руку на сердце, я вообще не помню, чтобы мне кто-то отказал. А это, черт возьми, подстегивает желание соблазнить еще хлеще. И хоть неимоверно зол на эту Евгению, но руки покалывает от тактильных воспоминаний.

Горячая девчонка. В голове уже вырисовывается четкий план по завоеванию неприступной крепости. Я не привык отказывать себе в чем-то. И в этот раз отступать не намерен. Зацепила она.

Вообще обычно я не такой подонок беспринципный. Не лезу лапать без разрешения. Но тут не сдержался. Слишком красива, да и обстановка располагала. И как можно было проигнорировать такой момент?

«Вот и воспользовался, – ехидничает внутренний голос. –

Теперь ходи разукрашенный, баран».

Домой добираюсь ближе к вечеру. Куча дел в городе, которые заставляют знатно помотаться.

Только успеваю переступить порог квартиры, как на меня с оглушительным лаем налетает Джек.

– Привет, псина!

Золотистый ретривер с радостными завываниями наматывает круги. Выбор у меня небольшой, поэтому пристегиваю поводок и веду животину на выгул. Вот надо было слушать мать, которая упиралась руками и ногами, когда я притащил грязного уличного щенка в дом.

Пока Джек носился по двору, справляя свои дела, мобильный оживает.

– Да.

– Я покажу тебе “да”, Дёмин, – слышу тренерский голос.

– Семеныч?

Неужели несговорчивая спортсменка все-таки стуканула? Капец мне тогда.

– Семеныч, Семеныч. Дёмин, послезавтра игра, думаю, то, что ты в стартовом составе выходишь, для тебя не новость? – звучит больше как утверждение.

– Новость. Надеюсь, дашь пару дней, чтобы скататься с парнями.

– Тебе одного хватит, нечего отлынивать. Ребят половину с МХЛ знаешь, действуете вы слаженно. Да и вообще, ты то-

повый игрок или где?

– Ладно, установку понял.

– Но я не по этому делу звонил. Сенчук сегодня ошарашил новостью.

– Сенчук – это...

– Капитан твой. Бывший уже. Его "Стрижи" переманили, контракт он с ними подписал. Только час назад мне руководство клуба сообщило.

– О, как!

– Вот именно. Команда осталась без капитана, на его место надо замену.

– К чему клоните, Семен Семеныч?

– Парней обзвонил, все как один твою кандидатуру выдвинули. Правда, кроме Метлицкого...

Ухмыляюсь, услышав знакомую фамилию. Ожидаемо.

– Но с ним вопрос решим. За тебя абсолютное большинство, так что перенимай бразды правления.

– Капитан команды, играющий в третьем звене? Ты смеешься, Семеныч, что ли?

– А с каких это пор у нас номер звена влияет на уровень игрока, а, Дёмин?!

И не поспоришь. В регламенте не прописаны такие оговорки.

– Завтра погоняю тебя с Карелиным и Левиным. Срабатываешься, то на матч выйдешь в первом звене.

– Понял тебя. А ассистенты кто?

Тренер выдает то ли смех, то ли карканье.

– Метлицкий и Жаров.

Да уж. Один праведным гневом меня ненавидит, второй вообще хрен знает, что за персонаж.

– А если поменять...

– Единственное, что ты можешь поменять, Дёмин, – это клуб. Все, претензии не принимаются, отказы тоже. Решайте свои проблемы с Метлицким и давайте уже общими усилиями закрепимся в верхней строчке турнирной таблицы. А то пока что мы болтаемся, как... кхм... ты меня понял. Завтра земля в четыре, лёд в шесть.

– Понял, – подтверждаю, что понял сказанное, и отключаюсь.

Метлицкий, Метлицкий. То, как он оскалился, поняв, что я могу приударить за его сестрицей, мне понравилось. Уладить конфликт прошлого? Вроде и не проблема вовсе. Но я так понимаю, что мы не сойдемся во мнениях. Ведь я не собираюсь изменять свои планы по поводу дерзкой фигуристки. Она еще ответит за фингал. И без Метлицкого тут не обойдется.

Глава 5. Женя

На улицу вылетела, как ошпаренная. Щеки горят, руки трясутся. Черт бы побрал этого Дёмина! И как бы ни старалась, но мысли упрямо возвращаются к произошедшему в душевой. Его руки, так собственнически трогающие меня. Смелые ласки, от которых тепло разливалось по телу. И его запах, такой знакомый и почти родной. По телу пробегают мурашки, а перед глазами его довольная ухмылка. Но нет, так просто я не сдамся. Прекрасно понимаю, что я для него буду очередной, пускающей слюни.

– Главное, пройти отбор, – твержу себе под нос как мантру.

Решаюсь пройтись до дома пешком. Погода еще не зимняя, но уже и не осенняя. Раньше я любила это время года. Но в последнее время мне абсолютно все равно. На все, кроме катания. “И Дёмина”, – вторгается в мои размышления внутренний голос, но я его упорно игнорирую.

Только на льду я становлюсь сама собой. Только в танце я отдаюсь своим чувствам, что разрывают меня. Именно в танец я вложила свои обиду и неразделенную первую любовь, свое унижение перед толпой ребят. Этого я никогда не смогу простить.

Нет, мне нет никакого дела до этого неотесанного, зазнавшегося самовлюбленного нарцисса. Улыбаюсь своей решимости.

тельности. Не нужно мне его внимание. И желательно, чтобы он и рядом не появлялся. Хотя теперь это будет сделать сложно. Один спортивный комплекс, одна арена, один лед. И это жутко бесит. Словно я попала в капкан, еще непонятно, для кого расставленный.

– Мам, я дома, – закрываю входную дверь и привычным движением кидаю связку ключей на обувницу.

– Что так долго? – она появляется в коридорчике, вытирая руки о полотенце.

– Устинова задержала, – бросаю сумку в угол и снимаю теплые кроссовки.

– Снова что-то не получается!

Только не надо нравоучений, не сейчас:

– Ма, я устала, давай не сейчас, – с мольбой смотрю на мать.

– А ты мне рот не затыкай, – тут же заводится она и швыряет в меня полотенце. – Я не для того тебя растила, чтобы ты витала в облаках. И время мое, потраченное на тебя, будь добра отработать, – со злостью сыплются ее слова, ударяясь о мое сознание.

– Скажи лучше сразу, что жалеешь о моем рождении, – обхожу ее и направляюсь в свою комнату.

– Ты как с матерью разговариваешь? – взвизгивает она, а я уже закрываю дверь комнаты и обессиленно падаю на кровать.

В такие моменты я понимаю отца, который бросил нас, когда мне было пару лет. Его я толком даже не помню. Мать мне словно не может этого простить. Поэтому я и окунулась с головой в учебу, окончив школу с золотой медалью. И катание. Только золото, а не дай бог серебро принести – я тут же становилась бездарностью.

Я знаю, что мама мной гордится, но старается этого не показывать. А мне с детства хочется увидеть ее теплую улыбку, услышать ее одобрение и похвалу. Я, как робот, запрограммирована только на идеальный результат. Идеальный для нее. Мое мнение ее не интересует. Я обязана, и точка. Поэтому мои чувства остаются при мне. С самого детства я сама рассчитываю на себя, зная, что никто не кинется на помощь, тем более, родная мать. Ведь ей так важно похвастаться моими достижениями. Она до сих пор мечтает, чтобы отец жалел о своем уходе. Ведь у него растет такая удивительная дочь. Которую воспитала она!

Дождавшись, когда мать хлопнет дверью своей спальни, выбираюсь на кухню. Все-таки есть очень хочется, аж до спазмов в желудке.

Набираю еды в тарелку и возвращаюсь в спальню. Скидываю с себя спортивный костюм, включаю телек. Забираюсь в постель с тарелкой, ставя ее в ноги. По каналу идет фильм, судя по картинкам, роман. Включаю как раз в тот момент, когда парень целует девушку, трепетно привлекая героиню к себе. Она обнимает его за шею, запуская свои пальцы в его

волосы. А мой воспаленный и уставший мозг подкидывает иные картинки. Глупые мечты, где Кир обнимает меня. Целует нежно и так сладко, что начинает кружиться голова, а я запутываюсь пальцами в его густой каштановой шевелюре, ощущая мягкость волос. Его прикосновения к груди вызывают новую волну мурашек по телу. Пронизывает током до самой макушки, заставляя непроизвольно выгнуть спину от наслаждения. И когда мое расшалившееся воображение позволяет его руке проникнуть под резинку брюк, я тут же распахиваю глаза.

Стоп!

Так дело не пойдет. Он только первый день в городе, а у меня уже крыша поехала. Не собираюсь я растекаться у его ног розовой лужицей. Нет, и это стопроцентный ответ. Злая на себя и на свое распаленное тело, отставляю так и нетронутый ужин на стол. Выключаю этот чертов ящик и падаю в постель, накрывшись одеялом с головой.

Мое упрямое сознание работает не в мою пользу. Поэтому приходится достать телефон с наушниками и включить композицию, под которую катаю произвольную программу. Теперь образ нахального Демина сменяют фигуры, которые я выполняю с блестящей точностью. Мысленно на десять кругов идеально откатав всю программу, я проваливаюсь в беспокойный сон, где Демин отбирает у меня золотую олимпийскую медаль.

Утром просыпаюсь в слегка разбитом состоянии. В обед договорились встретиться с Димкой. Обещала ему помочь с курсовой.

Мама уже ушла на работу, и мне удастся спокойно, без лишних нравоучений собрать вещи на тренировку. Уже в начале первого я выхожу из дома. На улице октябрь, дождь то и дело успевает надоедать внезапным своим началом. Ветер пробирает до костей, и я спешу заскочить в теплый автобус.

Мое любимое кафе находится неподалеку от спортивной арены. Когда переступаю порог заведения, меня окутывает аромат свежесваренного кофе и изумительных французских булочек. Димка уже сидит за дальним столиком и, уставившись в экран ноутбука, с видом вселенской печали чешет затылок.

– Что, Метлицкий, настолько все плохо?

– Женёк, привет!

Парень с невероятной прытью, какую совсем не ожидаешь, смотря на его крупногабаритную фигуру, вскакивает и стискивает меня в медвежьих объятиях.

– Я уже заказал тебе любимый Латте и круасаны.

– Спасибо, конечно, – тяжело вздыхаю, разглядывая аппетитную тарелочку с нежнейшей выпечкой, – да нельзя. Сейчас перед отбором мне вообще шаг влево, шаг вправо – расстрел от Устиновой.

– Она тетка у вас жесткая. Вчера неплохо так Дёмина оттянула. Это новичок наш. Верней, как новичок, в прошлом

с "Барсами" в МХЛ играл, наглый тип.

Замираю, понимая, что так или иначе все равно возвращаюсь к Киру. А судя по тону брата, у них все не слишком гладко.

– За что она его?

– Да так... – машет рукой Димка и старательно отводит взгляд.

– Ну, ясно.

Кидаю спортивную сумку на диванчик и устраиваюсь напротив парня. Сгребаю к себе его несчастную технику и свой кофе.

– А что у вас с Киром какие-то контры? – стараюсь, чтобы голос звучал как можно непринужденней. Да выходит не очень, и Метлицкий явно замечает проскользнувший интерес.

– С Киром, значит?... Женёк, вы что, знакомы?

– Нет! – выпалила и глазом не моргнув. – Откуда мне его знать? И вообще, забудь. Лучше скажи, что у тебя с курсовой? Инфу набрал, как я просила?

Димка молча "проглатывает" мой резкий перескок с темы на тему, и мы сворачиваем в более безопасное русло.

Надолго в кафе мы не задерживаемся, и уже в третьем часу я захожу на арену.

Решаю перед тренировкой заглянуть в тренажерный зал. Немного "разогреть" мышцы перед "землей".

Натягиваю свой новенький, дорогой спортивный ком-

плект из топа и легинсов и, закинув на плечо полотенце, уверенной походкой захожу в зал. Народу там не то чтобы много, но помещение и не пустует. Обвожу взглядом присутствующих: пара парней из "Барсов" во главе с Дёминым.

– Конечно, заниматься-то нужно непременно полураздетым... – бубню себе под нос. Потому что этот представитель мужского пола светит голым рельефным торсом и расхаживает павлином в одних шортах. Прохожу мимо занимающихся ребят, ловя на себе плотоядные взгляды, и не могу удержаться от "шпильки", когда Кир смотрит на меня своими холодными глазами.

– Что, Дёмин, как себя чувствуешь? – Машу ладошкой в районе лица, не прозрачно намекая на приличный лиловый синяк, который даже издалека "светится" на скуле. Забавно выглядит.

Подхожу к нужному мне тренажеру, как раз к тому, рядом с которым стоит парень, кидаю полотенце на перекладину, с твердым намерением заниматься.

– И я рад тебя видеть, малышка, – самоуверенно улыбается Кир, обнажая белые и ровные зубы. – Костюмчик – отпад.

– Майку накинь, девушка все-таки в зале, – фыркаю я, напроць проигнорировав "топорный" комплимент. Специально морщу нос и отворачиваюсь от него давая понять, что своими кубиками он совсем меня не привлекает. Хотя кого я обманываю: он шикарен настолько, что руки покалывает от желания прикоснуться.

Присутствующие ребята притихли, с любопытством наблюдая за нашей словесной баталией. Судя по их хитрым лицам, я подозреваю, что они уже начали делать ставки.

– Да? И где же? – подыгрывает моим словам и оглядывается по сторонам, картинно разводя руками Кир. – Ребят, вы видите тут девушку? Нет?

Парни тихо посмеиваются, но не влезают в этот нелепый разговор. Берут свои полотенца, подбадривающим жестом хлопают Дёмина по спине и, пожелав удачи, выходят из зала, оставляя нас одних.

Давлю в себе трусливое желание сбежать, поджав хвост. Один на один с ним в одном, пусть и большом помещении, становится очень тесно.словно весь воздух сжался вокруг нас. Он наблюдает за мной уже не морозным взглядом, а глубоким синим, в котором полыхают огоньки. Смотрит слишком внимательно, едва ли не пожирая глазами.

Я стараюсь не впитывать то, что он говорит. Пропускать мимо ушей. Игнорировать его, в черный список! Хотя мой внутренний голос требует ответить. Да так, чтоб мало не показалось.

На какое-то время, мне кажется, что мое упрямство победило. Дёмин, устав вести диалоги с пустотой, уходит.

Я наконец-то могу заняться выполнением простейших упражнений: наклоны, растяжка. Отличный разогрев для мышц.

– Неплохой видок, Евгения. Ну, так ты не передумала? –

ощущаю его за своей спиной как раз в момент "головой вниз". Что? Опять?

Тихо начинаю закипать. Чего он ко мне привязался?

Оборачиваюсь резко и чуть не утыкаюсь носом в его голый торс. Взгляд приковывает идеально гладкая кожа на груди, которую в такой близости могу рассмотреть до миллиметра. Сглатываю ком, образовавшийся в горле, и ползу глазами вверх. По мощному развороту плеч, шее...

– Ты о чем? – пересилив себя, поднимаю свой взгляд глаза в глаза и встречаюсь с нахальной усмешкой.

– Познакомиться поближе, так сказать, – отступаю на шаг от него, увеличивая между нами расстояние. Иначе я слишком отчётливо чувствую его запах, от которого мое тело перестает меня слушаться. Подстава.

– Я только одного не пойму, – натягиваю маску безразличия, что даётся мне весьма нелегко. Скрещиваю руки на груди и отвечаю этому коту не менее наглым взглядом.

– Так спрашивай. Я объясню, – ухмыляется парень, – а ещё лучше покажу. Наглядно, так сказать, – снова ухмылка. Руки упер в бока, стоит с высоко поднятой головой, наивно полагая, что победил.

– Ты сохранился что ли до моего прихода или вовсе бессмертный? – улыбка вмиг сползает с его красивого лица. – Держись от меня подальше, Дёмин.

Слышу, как за спиной открывается дверь.

– Кир, тебя все ждут, – в зал заглядывает один из парней

его команды.

Дёмин ему кивает и, взяв со скамьи свою майку, накидывает ее на плечо. Подхватывает полотенце и направляется на выход.

В какой-то миг в моей душе все заливало. Дала отпор! Опять! Но моя радость недолго длится.

– Два ноль в твою пользу, малышка, но я не сдаюсь, ещё два периода впереди, – оборачиваюсь, кидая взгляд на парня. – И поверь, победа будет за мной, – выходит из зала, оставив меня одну, закипающую от злости.

Глава 6. Кир

– Дёмин, где тебя носит? – встречает меня Семен Семеныч, когда я появляюсь на льду в полной экипировке. – Почему ты такой недисциплинированный?

Я даже не подозревал, что с этой перепалкой я так задержусь. В очередной раз лезу в занозу. Черт, Ковальчук.

– Исправлюсь, – отвечаю тренеру и под его тяжелым взглядом выхожу на лед.

Команда выстраивается полукругом перед Семенычем. Все парни предельно собраны.

– Ну что ж, барсы, с чего начнем? Мне важно, чтобы некоторые из вас скатались друг с другом и понимали с одного взгляда. Раз уж Сенчук решил катить дальше по своему льду без нас, и мы практически, – тренер кидает взгляд в сторону Дмитрия, – практически единогласно решили капитаном команды поставить Дёмина, то давайте поздравим нашего капитана, – ребята застучали клюшками по льду. – Итак, по делу: установка на тренировку. Меня интересует тройка: Дёмин, Карелин и Левин. Защитники – Метлицкий и Жаров. Остальные работаем по плану. Начинаем, – звучит свисток, и начинается разминка.

Карелин и Левин оказались толковыми пацанами. С ними не возникло никаких проблем. Все пасы точные, движения просчитаны и выверены. С такими ребятами работать одно

удовольствие. Стоит ли говорить о Метлицком? Жаров вообще оказался мутным игроком. С ним еще предстоит разобратся. И это вполне решаемо. Но вот как у Метлицкого выбить ненависть и обиду из головы хотя бы на время тренировок и игр? Вроде не совсем дурак, а нас с детства учат, что личные обиды и проблемы остаются вне зоны катка. Так какого хрена он творит!

– Ты косой что ли? – начинает задираться парень.

Я не настроен на драку. Не для этого меня поставили капитаном команды. Для меня важно сохранить данный статус.

Такое ощущение, что Димыч решил меня загасить своими подачами. Шайба каждый раз прилетает с невероятной силой.

– Дёмин, Метлицкий! – беснуется Семеныч.

Молча проглатываю до невозможности дерьмовый пас Димыча и иду в атаку. Разыгрываем одну из заготовленных схем с привлечением в нападение защиты. Выбиваю момент и делаю передачу Жарову, тот переводит налево Метлицкому.

– Да твою мать, – чертыхаюсь в очередной раз, как моя клюшка встречается шайбой, чуть не треща, сдерживая убойный напор подачи.

– А что с твоей рожей, Дёмин? Когда успел нарваться? – продолжает задираться Метлицкий.

Игнорируя его выпад, прокатываюсь, оглядываю трибуны, примечаю, что тренер с кем-то беседует. Но и зрители тоже

присутствуют.

Ковальчук, точно она. Цепляю ее взглядом при очередном пасае. Чего она тут забыла? Но девушка не обращает на меня никакого внимания. Неужели Димон играет на публику? Решил меня уложить на глазах сестрички? Не прокатит.

— Ну, так что? — снова рядом мелькает Димонская ухмылка. — В женской раздевалке на косяк напоролся? — что за намеки? Я немного в растерянности. И этот гад, воспользовавшись моим замешательством, со всей дури так лупит по мне шайбой, что сбивает меня с ног. Попадая под щиток так мощно, что я валяюсь всем телом на лед. Нет, экипировка не позволяет удариться, но во мне с неимоверной силой просыпается злость. Я многое готов терпеть, но не бунт в своей команде.

— Сука! — вскакиваю на ноги и налетаю на Метлицкого. — Ты что творишь, баран? Какого черта? — хватаю его за грудки.

— А что тебе не нравится? Тебе по вкусу только чужих девок соблазнять, да? — зло выплевывает он слова.

— Кто старое помянет, — цежу сквозь зубы, встряхивая, потянув за свитшот.

Мне тут же прилетает удар в челюсть, сбивающий каску с головы. Я не заставляю долго ждать ответ. И скинув крагу, мечу этому барану в челюсть, когда со спины кто-то хватается, оттаскивая меня от припечатаного к борту защитника.

— Отставить! — сквозь туман слышу голос Семеныча, но

мне не до него. От ярости все плывет перед глазами. Делаю попытку вырваться. – Вашу бабушку, оштрафую всех на хрен!

Запахло жареным, и уже команда в полном сборе кинулись нас разнимать.

– Как девка, удар не можешь держать, – продолжает соперник.

– Да пошел ты, – рычу в его сторону. – Скажи парням спасибо, что уйдешь отсюда на своих двоих, придурок.

– Вы чего тут устроили? – отчитывает тренер. Откатываюсь, остужая пыл. И сжимаю челюсть до хруста, когда вижу, как вниз с трибун несется Ковальчук. Останавливается у самого бортика, бледная, как смерть. За брата переживает?

– Сил до фиги осталось?! Так я вам сейчас устрою! Тренировка окончена, – звук свистка. – Всем в раздевалку. А вам двоим персональное задание. Для примирения. Отдраивать арену. Завтра выступления у мелких. Поможете уборщице, – Семеныч разворачивается и, бубня проклятия, выходит.

Смешно до ужаса. Я, мать его, охрененный спортсмен с известным именем! За мое внимание и мою "клюшку" клубы борются. А я что делаю? Ха! Шваброй, чтоб ее, махаю!

– Это все твоя вина, Метлицкий. Вот не был бы ты таким бараном упертым...

Правильно мать говорила. В армию надо было идти, хоть полы драить бы научили.

– Какого... ты вообще вернулся в "Барсы", Дёмин?

Да вот теперь и сам не пойму. Ехал кубок КХЛ завоевывать, а по итогу что?

– На твою рожу смотреть.

Бурчу и с усердием продолжаю намыывать несчастный бетон. Не знаю, сколько мы так по времени махали несчастным инвентарем технички, но арена уже успела опустеть. Это мы, кстати, даже до второго этажа не добрались.

– Метлицкий!

– Иди в пень, Кир.

Я скоро свихнусь и, похоже, начну разговаривать сам с собой. Я человек, который по жизни не приемлет одиночества вообще. Молчать несколько часов подряд пытке подобно. Дома хоть Джек отвечает звонким лаем.

– Вот никак не пойму, – выпрямляюсь, укладывая руки на черенок швабры. – Объяснишь?

– Чего тебе? – Димка тоже замирает, кидая крайне недовольный взгляд. Желание снова цепануть становится невыносимым. И в итоге спрашиваю совсем не то, что планировал.

– Как у такого мордоворота, как ты, может быть такая соблазнительная сестренка?

Лицо мгновенно меняется, руки сжимаются в кулаки и чуть ли не напололам гнут деревяшку.

– Слушай меня, Дёмин. Держись подальше от моей сестры. Больше повторять не буду! – рычит парень.

Руки чешутся ужасно. Почесать что ли об его физиономию? Тем более, что он главный виновник сегодняшних мучений.

– А то что?

Метлицкий кидает швабру и в пару шагов преодолевает разделяющее нас расстояние. Смотрю на него и искренне не понимаю, чего он так петушится.

– В порошок сотру! – тычет кулаком мне в грудь.

– Попробуй, – ухмыляюсь такой фантастической самонадеянности.

– Эй!!! – слышим звонкий голосок, представительница которого неожиданно врывается между нами. – Вам все еще мало, что ли?

Упирает свои хрупкие ладошки нам в грудь, вроде как отодвигая друг от друга. Неужели она действительно верит, что если мы с этим индюком решим сцепиться, что у нее хватит сил нас остановить?

– Фигуристочка. А мы как раз... – перевожу взгляд на сероглазую красотку.

– Закрой рот, Дёмин!

– Хватит. – Перебивает брата Ковальчук. – Вы как два ребенка, в самом деле. Вам сколько лет?! Развели тут детский сад.

– Женёк, уйди, а? – шипит Димка.

– Дай сюда! – выдергивает из моих рук швабру девчонка. – Вы до утра тут полы мыть собираетесь?

– А ты хочешь помочь? – хмыкаю я.

– В отличие от вас здесь работают люди, которые торопятся домой, Дёмин.

Прищур больших серых глаз готов испепелить на месте.

– Не пойму, что ты еще разговариваешь с ним, Женёк. Это потерянный для общества человек.

– Не потерянной тебя, Метлицкий, – сжимаю руки в кулаки, и теперь до невозможности сильно хочется сбить эту ухмылку с физиономии парня.

– Может, хватит?!

Пока мы бодались с братом девчонки взглядами, она успела притащить два ведра и с завидной решительностью впихнула нам их в руки.

– Швабры взяли и вперед!

Ладно. Признаю. С появлением Ковальчук все оказалось не так уж и плохо. Остатки доверенной нам площади мы убрали меньше чем за час. Ну, как убрали? Женя убирала, я паялился на ее симпатичную задницу, а Метлицкий рычал и бесился. В общем, было весело.

В восьмом часу, сдав свой "спорт-убор" инвентарь бдительной уборщице, поплелись за вещами к вахтерше.

– Женёк, – окликнул девушку Метлицкий, – Ирина Васильевна звонит.

Зачем остановился с этими двумя, не пойму. Наверное, уже привычка – командный игрок. Все стоят, и я стою. Стад-

ное чувство.

– Черт... я же свой дома забыла. А сегодня же встреча с...
– Женя не договаривает и стремительно бледнеет, начинает суетиться и кусать губу. Странное что-то. Интересно, кто это такая Ирина Васильевна, что Женя ее так, судя по всему, боится?

– Теть Ир, здравствуйте, – пробасил в трубку одноклубник. – Женя... да, она здесь...

Чем дальше, тем девчонка все хуже и хуже выглядит. Даже неосознанно подхожу ближе, чтобы, не дай бог, в обморок не свалилась.

– Хорошо, я передам. Да... конечно... до свидания.

Метлицкий отключается и смотрит на сестру ошалелыми глазами.

– Женёк, твоя маман свирепствует. Ты на какую-то важную встречу не пришла?

– Черт, да. Все слишком плохо, да?

– Она очень зла. Сказала, что, если в течение десяти минут тебя не будет дома...

– Но как я доберусь до дома за десять минут?! – расхаживая взад-вперед и истерично теребя край кофты, бубнит девушка.

– Ты на машине, Дим? – с надеждой смотрит на брата. Но тот хмурится и машет головой.

– В сервисе, на ремонте.

Так и подмывает предложить свои услуги "извозчика", и

уже открываю рот, чтобы предложить, когда Ковальчук сама перебивает меня и выдаёт:

– Кирилл, ты на машине?

Смотрит с такой надеждой. А это ее обращение по полному имени, а не по раздражающему меня «Кир», будит во мне настоящего джентльмена. Странно отзывается где-то за грудиной. Мне нравится.

– На машине, поехали.

Машу головой и шагаю на выход.

– Эй, тормози, Женёк, с ним ты не поедешь! – хватает девочку за руку Димыч. Точно, ясли. Как маленький. Моя игрушка, тебе не отдам.

– Метлицкий... – грозно шипит миниатюрная фигуринка. Дальнейшей тирады не слышу, потому что эти двое переходят на шепот, но в итоге парень сдаётся. Отпускает руку сестры и кивает мне.

– Пальцем тронешь, в лёд закатаю.

– Я тебе точно на праздник подарю сборник угроз, а то однобокие они у тебя, Метлицкий.

– Индюки... – шепчет Женя и, хватая меня за локоть, тащит за собой вон из арены.

Глава 7. Женя

Эти два здоровых лба, наверное, никогда не перестанут спорить и цепляться друг к другу. Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что-то тут не так. Если учесть, что Дёмин вернулся совсем недавно, то конфликт, судя по всему, случился еще тогда, когда они в молодежке играли. Нужно будет поднаесть на Димку, пусть рассказывает, что у них случилось.

Мы выходим на улицу. Я только сейчас понимаю, что до сих пор держу парня за локоть и он покорно плетется за мной. Нервно отдергиваю руку, пряча в карманы куртки. От искушения прикоснуться подальше.

– Ты еще не передумал довести меня до дома? – неуверенно смотрю на парня и невольно люблюсь им.

Какой же он высокий! В вечерних сумерках черты лица парня приобретают мягкость, отчего Кир становится еще красивей.

– Нет, – хмыкает он и уверенным шагом направляется к своей машине.

Я еле за ним поспеваю, семена следом.

Когда мы подходим на парковке к дорогой иномарке, я едва уловимо улыбаюсь. Да, я не прогадала, когда подумала о подобном автомобиле. Этот, цвета мокрого асфальта, определенно ему идет.

– Прошу, – открывает пассажирскую дверь для меня, при-

глашая сесть. Прямо жест истинного джентльмена. Приятно.

– Спасибо, – стараюсь как можно быстрее запрыгнуть в машину, не задерживаясь рядом с парнем. Пока устраиваюсь на кожаном сидении, водитель обходит машину и открывает дверь. Кир садится за руль, предварительно скинув куртку и в небрежном жесте бросив ее назад.

– Что это за машина? – прерываю неловкое молчание. Чувствую себя немного не в своей тарелке. Странно это как-то.

– Форд куга, нравится? – самодовольная улыбка появляется на его по-мужски красивых губах. А в глазах светится мальчишеский задор.

По-моему, я стала слишком много обращать на него внимание.

– Тебе идет, – отрываю свой взгляд от шикарного профиля парня, тут же зависая на его руках. Перекачивание сильных мышц под тонкой тканью футболки, уверенные, выверенные движения длинных пальцев – я, кажется, перестала дышать. А как он поворачивает ключом в зажигании. Мамочки...

И здесь пахнет им. Так соблазнительно и вкусно, что хочется съесть этот воздух. Черт, возьми себя в руки, Женя!

– Адрес? – ждет парень, вырывая меня из моих размышлений. Резко поворачивается и смотрит на меня, чем заставляет пылать от смущения щеки. Надеюсь, Демин не заметил, как я на него таращилась.

Я называю улицу и номер дома, он довольно улыбается и кивает.

– Знаю, где это. Пять минут, и мы будем на месте, – и тянется в мою сторону.

– Ты чего? – я прилипаю к спинке сидения, готовая просто утонуть в ней.

– Ремень, – спокойно говорит парень. Тянет его и фиксирует. – Безопасность в первую очередь, – наши взгляды встречаются, и я чувствую, как мои щеки уже просто горят. Наверное, так же ярко, как красный сигнал светофора.

Но Киру хватает такта в этот раз промолчать. Он сам пристегивается, и машина плавно страгивается с места.

Почти всю дорогу я украдкой любуюсь его профилем. Руками, что крепко и уверенно держат руль. Мне нравится его сосредоточенность и в то же время непринужденность. Волны самоуверенности притягивают к нему хлеще, чем магнит.

В салоне авто висит напряженное молчание. Никто из нас не решается заговорить. Странно, учитывая, что Кир каждый раз кидается колкостями. Как заноза.

Через обещанные пять минут мы заезжаем в мой двор, и Дёмин останавливает машину у нужного подъезда.

– Спасибо, – я уже готова выскочить, отворачиваюсь и хватаюсь за ручку дверцы.

Неожиданно возвращаясь в реальность, понимаю, что мать, скорее всего, уже готова меня прибить в лучшем случае. Для нее любой мой, даже самый мелкий проступок ви-

дится жесточайшим неповиновением. Угораздило же забыть об этой встрече. А все потому, что не смогла пройти мимо Димки с Киrom. Уж слишком воинственный был вид у обоих. Точно натворили бы дел.

– И все? – слышу смеющийся голос Дёмина. Поворачиваюсь. Бровь его плавно выгибается в дугу, а на губах играет фирменная нахальная улыбка.

– А что еще? – опешив и лихорадочно соображая, что за была.

– Во-первых, отстегнуть ремень надо, или ты с ним выходить собралась? – протягивает руку и где-то что-то щелкает. – А во-вторых, ну, может, поцелуешь в знак благодарности?

Да он издевается!

– Ага, конечно, – открываю дверь и выскакиваю из машины. – Губу закатай, – хлопаю дверью и бегом направляюсь в сторону дома.

А у самой улыбка играет на губах. Я ощущаю его взгляд. Он явно наблюдает и не торопится уезжать. Внутри странное волнение и легкий мандраж. Несмотря на предстоящий тяжелый разговор с матерью, я словно на крыльях парю. Неужели это Кир на меня так влияет?

У самой двери подъезда я не выдерживаю и все-таки оглядываюсь. Когда вижу внимательный взгляд, устремленный на меня, зачем-то махаю ему рукой. И скрываюсь за дверью.

На доли секунд опираюсь о подъездную стену, пытаюсь

успокоить сбившееся дыхание. Стереть счастливую улыбку с лица и сделать менее довольное выражение. Спокойно, Женья, парень просто подвез тебя, потому что ты была в тяжелой ситуации. Убеждаю себя. Делаю пару глубоких вдохов и поднимаюсь на свой этаж.

Пока пытаюсь вставить ключ дрожащими руками в замок, дверь тут же распаивается передо мной.

– Явилась! – мать не в себе. Я вижу это по ее расширенным зрачкам. Она в бешенстве.

– Я забыла телефон дома, – пытаюсь оправдаться, стягиваю кроссы с ног.

– А голову ты не забыла? И кто это тебя подвозил? Дима машину сменил? – она видела машину Дёмина, черт.

– Нет, – врать не решаюсь. Будет только хуже.

– И кто это был? Ты нашла себе мужика? – руками уперлась в бока, она явно не намерена пропустить меня без объяснений.

– Это друг Димы. Мы как раз с ним обсуждали его курсовую, когда ты позвонила. А Кирилл мимо проходил, вот Дима его и попросил меня подвезти, так как у самого машина в сервисе, – на ходу сочиняю. И почти не соврала.

– Допустим, – нехотя соглашается.

Подозреваю, что она будет расспрашивать о Дёмине брата. Ну, надеюсь, тот выкрутится, прекрасно зная мою маму, лишнего он не скажет.

Я успеваю переодеться, когда в квартире раздается зво-

нок.

— Рада, что вы смогли до нас доехать, — я удивляюсь, слушая, как мать лебезит.

Что она задумала? Единственное, что знаю, так это то, что человек очень важный. В подробности мать не вдавалась.

— Ради вашей дочери я готов пожертвовать своим временем, — слышался мужской голос.

— Проходите, сейчас я вас познакомлю, — они проходят в зал, где я уже жду, не понимая, что подготовила мать.

В комнате появляется мужчина невысокого роста. Примерно лет сорока с небольшим. Его волосы уже тронула седина. Я встречаюсь с его изучающим взглядом. Неприятным взглядом, сальным и грязным, отчего меня передергивает.

— Знакомься, Женя, это тренер Вавилов Иван Федорович.

— Очень приятно взглянуть на тебя воочию. Твоя мама уже познакомила меня с твоими достижениями. Но мы вместе сможем добиться большего.

От его вида внутри все холодеет. Но я натягиваю улыбку и отвечаю на протянутую им руку рукопожатием.

— Мам, а почему я об этом узнаю только сейчас? — перевожу удивленный взгляд на мать.

— Это не обсуждается, — не обращая на меня внимания, отвечает она.

Я впадаю в ступор. Чем мне это грозит?

— А могу я поинтересоваться планами на меня у вас, Иван Федорович? — обращаю на себя внимание мужчины.

– Конечно. На днях у меня будет окно, ты покажешь мне свою программу. Я оценю твои реальные возможности. Если все именно так, как я думаю, то можем перейти на интенсивную тренировку и подготовку к соревнованиям, – обыденным голосом отвечает он.

– Но я ни разу вас не видела у нас на льду, – не понимаю вообще ничего. – Кого вы тренируете?

– А я здесь не работаю. Вам придется переехать, да и у Ирины это в планах. Там мы и будем работать, – мое сердце останавливается на мгновение. Мозг активно начинает крутить все то, что до этого у меня не складывалось.

По словам мамы, она отпрашивалась с работы. Куда-то ездила, якобы по личному вопросу. Пазл теперь сложился.

– Насколько я помню, я не собиралась куда-либо переходить. Меня устраивает Устинова. Мы с ней работаем уже достаточно долго. И бросать своего тренера я не буду. Так что не вижу смысла в просмотре, – поднимаюсь со своего места. – Простите, но вы приехали не по адресу, – разворачиваюсь и направляюсь в свою комнату.

– Евгения, вернись немедленно! – слышу крик мамы, но я запираю дверь и не собираюсь выходить.

– Женя, – она стучит, а точнее, колотит по двери.

Это что же получается? Решила сама за меня, так пусть сама и катается.

От обиды на мать внутри все сковало. Слезы застилают глаза. Что мне сделать? Насильно она меня никуда не увезет,

это точно.

– Открой немедленно! – взвизгивая, кричит мать, и я распахиваю дверь. – Ты меня опозорила! Как ты могла так себя вести? Я же стараюсь для твоего будущего!

– Для какого будущего, мам? Это тебе надо больше, чем мне! Ты стараешься для себя! Ну и что, что я не смогла три года назад пройти отборочный! Это не смертельно. Но вот ты так расстроена, что и теперь в меня не веришь. Все пытаешься вывести на высший уровень, пределы которого известны только тебе. Ты перегибаешь палку, мама, – да, я наконец смогла высказать это ей.

Мать замирает, и в следующий миг мою щеку пронзает боль. От обиды наворачиваются слезы. Растерянность сменяется злостью и давящим чувством потери.

– Зря ты так! – хватаю я телефон с кровати и направляюсь в коридор.

Одновременно обуваюсь и натягиваю куртку.

– Ты не посмеешь уйти, – звучит угроза в мою сторону, но мне уже все равно.

– Женя! – слышу крик матери, закрывая дверь.

Сбегаю по ступенькам, натягиваю капюшон на голову и иду, еще сама не понимаю, куда.

Нет, больше не собираюсь терпеть подобного. Хватит. Я уже не маленькая девочка и, в конце концов, мне не восемнадцать лет. Мне двадцать один, и я сама понимаю, чего хочу. Хватит мной помыкать, как марионеткой. Не замечаю,

как реву, тихо всхлипывая и вытирая горячие слезы, потоком скатывающиеся по щекам. Обидно до боли в груди, а щеку, по которой прилетел удар от матери, жжет и саднит.

Я непонятно сколько времени бреду по аллее, тут ни одного фонаря. Только сейчас понимаю, что в округе никого. Оглядываюсь. За мной кто-то идет. Но в темноте не разглядеть. Прибавляю шаг, но и идущий за мной человек не отстает. Перехожу на бег, мое сердце колотится уже в районе горла. Паника захлестывает мой разум. Меня хватают за руку, и я взвизгиваю от страха.

– Ты чего? – звучит мягко и так знакомо.

Поднимаю взгляд и встречаюсь с обеспокоенным синим.

– Кирилл, – выдыхаю с облегчением и утыкаюсь носом в его куртку, давая волю своим слезам.

– Ну-ну, тише, – его голос звучит успокаивающе. Обволакивает нежностью и теплом. – Не реви, – поднимает мое зареванное лицо за подбородок, вглядываясь, стирает слезы с моих щек.

– Как ты тут оказался? – всхлипывая, спрашиваю я.

– Да что-то не решился уехать, как видишь, не зря.

Его руки обвивают мою талию, прижимая к своему крепкому телу. Я словно в коконе оказываюсь. Тепло тут и уютно.

– Пойдем в машину, а то ты сейчас замерзнешь, – берет меня за руку и тянет в сторону оставленной у моего дома машины, и я, послушно опустив голову, плетусь за ним.

Глава 8. Кир

Она выпрыгивает из машины после моей фразы. Да, не удержался и подколот, как всегда. Вообще странно себя ощущаю в ее присутствии. Наблюдаю за ее хрупкой фигуркой, которая удаляется от машины. Как она замирает у подъезда, робко оборачивается. Какая же она...

И то, как она машет мне рукой, вконец обескураживает меня. Сам, как дурак, давлю лыбу. Черт, еще ни одна девушка не вызывала во мне подобные ощущения.

Я немного отъезжаю от подъезда, не загораживая дорогу. Задумался. О ком? О девушке. О такой хрупкой, но такой сильной. В таком спорте, как фигурное катание, нужен стержень. Это и про любой вид спорта так сказать можно. Но лед мне ближе, и я немного понимаю, что он требует.

Подъехала легковая машина. Паркуется. Выходит мужчина. Приглядываюсь. Твою мать, а этот старый хрен что здесь делает? Вавилов, как пить дать! Наслышан о нем. Немало девушек от него убежало. Да и слушок противный ходит. Но не может же он приехать к Женьке?

Откидываюсь на спинку сидения и прикрываю глаза. Боги, какие картинки подкидывает мне мозг!

Из видений меня вырывает звук хлопнувшей двери.

Вавилов уже идет обратно. Недолго в гостях побывал. Что-то мне беспокойно как-то.

Напрягаюсь, когда вижу вышедшую из подъезда девушку. Женя. Проскакивает мимо меня и направляется в непонятном мне направлении.

Я глушу двигатель, накидываю куртку и направляюсь следом за ней. Она прибавляет шаг, и я. Ее просто необходимо догнать. Куда она собралась по такому глухому месту?

Хватаю ее за рукав, поворачивая ее к себе. Девчонка вскрикнула. Что происходит?

– Ты чего? – понимаю, что напугал ее.

Смотрит на меня удивленно, и робкая улыбка затрагивает ее губки.

– Кирилл, – выдыхает с облегчением и утыкается носом в мою куртку. Если еще пару раз она меня назовет по имени, я свихнусь от счастья.

Ее плечи вздрагивают. До меня доходит, что девушка плачет.

– Ну-ну, тише, – пытаюсь ее успокоить, совершенно не зная, что делать. – Не реви, – подхватываю пальцами ее лицо за подбородок и аккуратно, боясь спугнуть, поднимаю, заставляя посмотреть на меня. Стираю мокрые дорожки от слез на ее щеках, распадаясь от странного внутри чувства злости.

– Как ты тут оказался? – спрашивает она. А я залипаю на ее серых глаза.

– Да что-то не решился уехать, как видишь, не зря, – сразу не понимаю, что и ответить.

Обнимаю ее, притягивая ближе. Появляется щемящее желание защитить ее, спрятать от всего мира. Такую растерянную и хрупкую. И желательно у себя. Чтоб ни одна поганая душа не могла притронуться к ней, ни взглядом, ни словом.

– Пойдем в машину, а то ты сейчас замерзнешь, – беру ее за руку.

Женя не сопротивляется и молча идет за мной.

Удивлен ее покорности. Видимо, девчонка и правда в состоянии полной потерянности и шока. Что же там, у нее дома произошло за каких-то несчастных двадцать минут?

– Давай садись, – она послушно забирается на сидение, съезживаясь и сжимая ладони в кулачки.

Я тут же оказываюсь рядом. Завожу тачку, чтобы быстрее согреть девушку. Есть, конечно, и другие варианты, но не будем идти напролом. Пока только захожу на вираж.

В свете приборной панели обращаю внимание на неестественно красный след на щеке девушки. Тянусь к ней, еле заметно проводя пальцем. Черт, наверняка место удара горит.

– Кто это? Мать? – что-то внутри закипает, бурлит и сверкает праведным гневом.

Она молча кивает, приложив ладонь к больной щечке, старательно отводит взгляд, стараясь не смотреть мне в глаза.

– За что? – да я убил бы такую мать. Что же должна была сделать Женя, чтобы схлопотать от матери пощечину? Да еще такую!

Молчит.

– Ладно, как смотришь насчет кафе? По чашечке чая или кофе? – и правда, уровень доверия ко мне у нее явно на нуле после моих идиотских замашек. Не буду лезть в душу.

– У меня с собой, кроме телефона, ничего нет, – робко отвечает она.

– А я что-то еще спрашиваю? – хорошего же мнения она обо мне, ничего не скажешь!

Вдавливаю педаль газа в пол, срываясь с места. Ну, уж нет, я заставлю думать о себе только положительно. Я ж не какой-то там моральный урод!

Усаживаемся с ней в укромном местечке, где нас практически никому не видно. Здесь достаточно уютно, мало людей, и пахнет корицей и свежим кофе.

– Что будешь? – спрашиваю у девушки, а она кусает губу и смотрит куда-то в сторону.

Ладно, сам разберусь.

– Один латте, двойной эспresso. И для девушки десерт на ваше усмотрение, – делаю заказ подошедшему официанту.

Когда остаемся одни, я не выдерживаю этого напряжения.

– Что случилось? Давай выкладывай, – предлагаю я. – За что тебя так?

– Пошла против воли родительницы, – отворачивается от окна, вскидывая эти безумно красивые глаза, отчего мысли просто останавливают свою работу.

– Мне показалось, или я видел тренера у вашего дома?

Вавилова? – решаюсь спросить, когда перед нами уже стоят чашки с горячим кофе.

– Ага, он самый, – помешивает ложкой в чашке. – Мама решила сменить мне тренера. Не спросив меня.

– Так он же из другого города. Как? – я запнулся, прекрасно понимая, что могла задумать ее мамаша.

– Именно, она решила переехать. Вот и печется о моем будущем. Таким вот образом, – подавленность девушки меня пугает. Так и хочется тряхнуть ее за плечи и вернуть ту самую Женю, что каждый раз воспринимает мои слова в штыки.

– Ну и как будешь действовать дальше? – пока говорит, пусть говорит что ли.

– Не знаю. Но домой я больше не вернусь. Я не собираюсь бросать Устинову. Я готовлю программу, – затараторила, как заведенная.

– Да понял я, понял, – задумываюсь. – А если не домой, то куда? У тебя есть родственники или подруги на крайний случай? – Я бы с удовольствием приютил бы и у себя, но на такой рискованный шаг не решаюсь.

– Подруг нет. Сам же понимаешь, в спорте в основном только конкуренты. Особенно у нас. К Димке если только, – при упоминании о Метлицком мне становится дурно.

Это ж лишний раз не подвезти, не пригласить никуда. Он же просто на пушечный выстрел не подпустит к своей драгоценной сестренке. Но делать нечего. Буду решать проблемы

по мере их поступления.

– Тогда звони ему. Будем все решать постепенно, – предлагаю я.

Девушка послушно достает свой телефон и набирает брата. Я мысленно готов молить бога, чтобы тот не ответил. Даже пальцы скрестил на руках. Никогда не был суеверным. А тут все вышло на автомате.

– Не отвечает, – удивляется она и пробует еще раз набрать. Да, черт возьми! Удача на моей стороне.

– Ну что ж. Если ты и правда не собираешься сегодня появляться дома, то могу предложить свои услуги не только в качестве таксиста, – улыбаюсь, пытаюсь разрядить обстановку, ловя ее настороженный взгляд.

– И что же ты предлагаешь? – по глазам же вижу, что догадалась.

– У меня определенно найдется для тебя местечко. И нет, не в моей постельке, хотя... – да, я немного успокоился. – Да шучу я, – поднимаю руки вверх, сдаваясь под ее пристальным взглядом, – у меня трешка. Места хватит. Живу один, ну, то есть не совсем.

– А с кем? Родители? Девушка? – задает она вопросы. А-а-а, любопытно значит, забавно.

– Собака, – успокаиваю ее. – Джек, думаю, он будет тебе рад.

– О, – Женя явно не ожидала такого поворота. – Я не удивилась бы, узнав, что с девушкой живешь, – говорит она. – А

тут собака, это ж такая ответственность, – вот что ни слово, то подкол, блин.

– Ну, так что скажешь? – жду ответа, а сам замечаю, что нервно помешиваю остатки кофе в чашке. Да я на первом отборе так не нервничал!

– Хорошо, только на одну ночь, ну в смысле... ты понял, да? – замешкалась она.

– Понял я, – удовлетворенно откидываюсь на спинку диванчика.

Глава 9. Женя

Димка подвел, думала я, пока Кир вез меня к себе домой. Да кто бы мог подумать? Что столько лет спустя после своего признания я буду сидеть с ним в одной машине и ехать. Куда? К нему домой! Это сверхъестественно. Это невозможно. И тогда, пятнадцатилетней, я даже о таком и думать не смела. А тут и вполне наяву.

Сижу, молчу, поглядываю то в окно, то на водителя. О чем он думает?

– Если хочешь что-то спросить, то спрашивай, – оборачивается ко мне. – Мысли я читать не умею.

– Что у вас произошло с Димой? – вдруг выдаю то, что совсем не собиралась говорить.

– А что у нас произошло? – ухмыляется он. – Он вроде не девушка, чтобы у нас с ним что-то происходило, – смотрит на меня, улыбаясь, а глаза остаются серьезными.

– Это сейчас было не смешно, – одергиваю его.

– А с чего ты решила, что у нас с ним что-то... не то? – подобрал-таки слова.

– Вы все время цапаетесь.

– А что говорит твой братец по этому поводу? – настораживается он.

– Да ничего не говорит, в том-то и дело. По-моему, он будет не в восторге, когда узнает, где я была ночью, – предпо-

лагаю я.

– А он что, интересуется твоей личной жизнью? Оберегает? Так ты вроде не маленькая девочка, – тут же парирует парень.

Я молча пропускаю его реплику, не понимая, что ответить. Да, не маленькая. Но и оберегать все это время меня было не от кого. А тут он прямо так настороженно относится к персоне Дёмина. Упертые бараны, оба.

Замечаю, что мы подъезжаем к элитному жилому комплексу. Въезжаем в подземный паркинг. Я ни разу не была в этом районе. Кир паркует машину и, заглушив ее, выходит.

Открывает мою дверь, подает руку.

– Ну что? Пойдем? – с сомнением спрашивает он, словно думает, что я передумаю.

А я уже передумала раз десять в уме. Но отказываться и сбегать как-то глупо.

Мы заходим в лифт, и Кир нажимает цифру семнадцать. Высоковато. Я вжимаюсь в стену.

Мы стоим по разные стороны. Я не решаюсь на него посмотреть, а он... он, гипнотизирует меня своим проникновенным и завораживающим синим взглядом. Мороз по коже. Я не представляю, как смогу провести целую ночь с ним в одной квартире.

Когда от его горящего взгляда, я уже готова вылезти через запасной люк в кабине лифта, мы наконец-то доезжаем до нужного этажа.

– Прощу, – кивает головой Кир, пропуская меня вперед. – Прямо и направо.

Я бочком обхожу застывшего парня и иду по длинному светлому коридору.

– Это твоя квартира?

Спрашиваю, когда мы останавливаемся у массивной двери.

– Нет, это съемная. Свою смысла не вижу покупать, с моей карьерой... контракты не вечны, сама понимаешь.

– Да, точно. Вы же из клуба в клуб.

Парень проворачивает ключ в замке и распахивает передо мной дверь.

– Ну, добро пожаловать, Евгения. Чувствуйте себя, как дома.

Я несмело переступаю порог дорогой квартиры, и меня тут же сметает мельтешащее и громко лающее золотистое чудо.

– Какой ты красивый! – присаживаюсь на корточки, почесывая Джека за ушами. Зарываюсь пальцами в мягкую шерсть. Собака – моя мечта с детства. Но у мамы аллергия и поэтому...

Мама. В голове не укладывается, как она могла так поступить!

– Эх... друг, тебе понадобился один лай, чтобы ее покорить. – Нарочито обиженно выдает Кир. Я смущена и не знаю, что хотел сказать этой фразой хозяин квартиры, но ду-

маю, слишком надеяться не стоит. Лучше бы мне не забывать, как однажды уже были им высмеяны мои чувства.

Легкость и задор как-то сразу прошли, стоило вспомнить прошлое. Мысль остаться у Дёмина теперь показалась еще более дикой.

– Прямо по коридору гостиная и кухня, по правой стороне моя спальня, по левой – твоя. В общем-то, не замок, думаю, не заблудишься.

Парень скидывает куртку, кроссовки и чувствует себя вполне комфортно.

– Проходи, ты чего замерла?

Я же стою, как истукан, в пороге и двинуться боюсь.

– Жень? – обеспокоенно пытается заглянуть мне в глаза Кир.

– Слушай, наверное, я погорячилась... – выталкиваю из себя, потупив взгляд. Стыдно, конечно, отступить, но и оставаться в квартире малознакомого парня тоже так себе благоразумие. Думаю, а ехидный внутренний голос противится. Малознакомого? Правда, Жень? Не ты ли в свои пятнадцать выучила биографию Дёмина от и до. Это вот ему стоит тебя опасаться вообще-то.

Пес с довольной мордахой, виляя хвостом, так и носится по коридору от меня к Киру и обратно.

– Так, ну хватит. Время... – парень бросает взгляд на наручные часы и хмурится, – ого, уже почти десять. Куда я тебя сейчас отпущу? Метлицкий молчит. К матери, вот к этой, –

кивает, явно намекая на красный след от пощечины, – к ней не отпущу. Если у тебя есть какие-то адекватные варианты...

– Нет.

– Тогда поводок в руки и пошли гулять с Джеком.

Вот так. Дали понять, что возражения не принимаются.

– Кир, а у меня даже одежды ведь нет с собой никакой.

Опомнилась, называется. Раньше надо было думать.

– Можешь ходить без нее, я не против, – подмигивает хитрый лис.

– Очень смешно.

– Ладно, так уж и быть, гостя. Я выделю тебе кое-какие вещи, заметь, отрываю от сердца, а ты готовишь нам вкуснейший ужин. Идет?

Кир протягивает ладонь и улыбается. Своей самой соблазнительно-милой улыбкой.

– Умеешь ты уговаривать, – тихо посмеиваюсь и жму протянутую ладонь.

Глава 10. Кир

Надо ли говорить, что с девушками я никогда не жил? Да, честно говоря, и отношений серьезных не было. И тяги к ним. Однако сегодня, странно, но я кайфую. Вредная фигуристочка очень неплохо вписалась в мой ежевечерний ритм жизни. Теперь даже и не хочется, чтобы Женя съезжала.

Пока гуляли с Джеком, мне удалось немного "растормозить" неожиданную гостью. Домой возвращалась уже не такая смурная, как уходила. Шутила и смеялась.

Я, конечно, видел, что девчонка чувствует себя не в своей тарелке, но старался вести себя как можно непринужденней.

– Вот. Футболка и шорты.

– Спасибо, – Женя отводит взгляд и смущенно улыбается. – Да уж, не думала, что когда-то окажусь в такой глупой ситуации.

– Ерунда. Всякое бывает.

Ужин гостя действительно готовит потрясающе вкусный. Я особыми кулинарными талантами не наделен, поэтому питался в основном полуфабрикатами. Ну, или не брезговал кафе и доставкой. Поэтому, когда по всей квартире разносится аромат жареной курицы в сырной корочке, я готов душу дьяволу продать. А если точнее, то не дьяволу, а Евгении Ковальчук, неожиданно перевернувшей мою жизнь девушке.

– У вас с матерью плохие отношения? – нарушаю установившееся в кухне молчание.

– Не плохие... просто... – Женя кусает губу и неуверенно мнется около раковины, куда только что загрузила после ужина посуду. Она такая маленькая и хрупкая, что я удивляюсь, как такую миниатюрную девчонку не сломал такой суровый спорт. Смотрю на нее, и руки так и тянутся обнять, защитить, спрятать. Но знаю, что если позволю себе такие вольности – сбежит. Поэтому прячу ладони в карманах домашних брюк и опираюсь плечом о дверной косяк.

– Просто что? Жень, хорошие родители никогда не будут ломать ребенка в угоду своим желаниям.

– Почему ты решил, что она ломает? – взгляд наконец-то перестает блуждать по кухне. Она смотрит на меня своими большими серыми глазами, с веером густых ресниц. Смотрит с вызовом, хмуря брови. – Она не ломает. Просто заботится, так, как умеет.

– Хреново умеет, значит.

Ненависть к ее матери бушует внутри и подогревается ощущением абсолютной покорности Жени перед ней.

– А твои родители? Они где?

– В Сибири. Отец военный, кидают из части в часть, ну и мать за ним. Никуда без своего Володи.

– Вот это любовь... – губы девушки трогает легкая улыбка, рисуя на лице мечтательное выражение полной безмятежности.

– А твой отец? Он... – пожимаю плечами и не решаюсь строить предположений, чтобы не обидеть ненароком.

– Ушел. Я маленькая совсем была, когда он бросил мать одну в чужом городе с лялькой на руках. Она ведь у меня тоже фигуристкой стать мечтала. Пока не потеряла голову, не влюбилась в отца...

Ну, вот вам и ответ. Корыстная родительница свои невоплощенные амбиции перенесла на "любимую" дочь. Не удивлюсь, если Женя вообще не хотела заниматься фигурным катанием.

– Вы с ним не общаетесь?

– Нет. У него есть другая семья. Все, чего я достойна, это скупые сообщения с поздравлением на день рождения. Иногда думаю, лучше бы он вообще ничего не писал. А то из-за его пары строк я теперь лютой ненавистью не люблю свой день.

Слова словно сами льются, выдавая признание за признанием. Вот как бывает: смотришь на человека, на красивую обложку и даже не думаешь, а что там внутри? Вот так поскотски я повел себя с ней. Красивую внешность принял за доступность. Теперь стыдно за самого себя. Она точно не похожа на всех тех пустышек, с которыми я связывался раньше. Другая. Ни одна из них по факту и в подметки не годится.

– Ладно. Времени уже много... можно, я душ... займу?

– Да, конечно. Сейчас дам чистое полотенце. Женских гелей и шампуней, сама понимаешь, не имею... придется се-

годня моими...

Черт. Главное закрыться в комнате до того, как она выйдет. А то, если я еще учую аромат любимого геля от нее... боюсь представить, какую глупость могу совершить.

Что бы придумать, чтобы удержать гостью у себя как можно дольше?

Пока Женя убирает остатки ужина по контейнерам, нахожу в стопке чистого белья полотенце и отдаю ей.

– Завтра тебе когда на тренировку?

– К двенадцати. Вот только форма, коньки – все осталось дома.

– А мать не работает?

– Скорее всего, уйдет по своим делам. Не переживай, я сильно не задержусь у тебя. Заеду за вещами и потом...

– Да я не поэтому спрашиваю, Жень.

Перебиваю ее поток слов, которые она еще умудряется извиняющимся тоном выдать. Как она вообще могла подумать, что я ее спросил, потому что хочу выгнать? Хотя сам виноват, Дёмин.

– Спросил, потому что завтра тоже в ледовый еду. Мне к часу, но я отвезу тебя. Заедем за вещами.

– Хорошо, спасибо.

– Жень, – окликаю девушку, чувствуя острую необходимость закончить начатую тему.

Она оборачивается, уже одной ногой переступив порог ванной комнаты.

– Мой дом всегда к твоим услугам. Если завтра вопрос не решишь с Метлицким... ну... – пожимаю плечами и улыбаюсь, как мне кажется, очень даже мило и по-доброму. – В общем, можешь оставаться у меня, сколько угодно.

Девушка с минуту молчит. На лице проносится целый калейдоскоп эмоций, когда она наконец-то кивает:

– Спасибо, Кирилл. Большое спасибо.

И закрывает за собой дверь.

Сон ночью тревожный. Толком забыться так и не получается. Ворочаюсь в кровати почти до семи утра и в итоге сдаюсь. Плетусь в душ, а потом "снаряжаю" Джека на прогулку. Проходя мимо закрытой спальни, в которой остановилась гостя, давлю в себе желание заглянуть. Руки чешутся нещадно нажать на ручку двери, но нельзя.

– Пошли, дружок. Проветрим мозг.

Накидываю куртку, кроссовки и выхожу в морозное октябрьское утро. Пес счастлив и носится, нарезая круги по двору, а я вдыхаю свежий воздух и наслаждаюсь утренней тишиной.

Город только просыпается. Кто-то идет с ночной смены, кто-то, наоборот, только выходит в морозное бесснежное утро. Достал телефон из кармана куртки. Минут двадцать уже круги вокруг дома наматываем. Набираю знакомый номер, ощущая необходимость поговорить со своими после вчерашних Жениных рассказов.

– Кирыош, сынок. Рада тебя слышать, – спустя пару гудков раздаётся родной голос.

– Привет, мам, и я рад тебя слышать, – невольно улыбаюсь, вспоминая чуть ли не каждую морщинку и родинку на родном лице. Ма у меня замечательная, из тех, кто и кнотом и пряником умеет. Наблюдаю за Джеком, который резвится, как заведенный, и лишний раз понимаю, какое счастье, что рос в полной семье.

– У меня хорошие новости. Буквально через неделю полторы мы сможем приехать. Не знаю, надолго ли, но выбраться получится. Ты как устроился? У тебя все хорошо?

– Да, мам, все хорошо. В команду взяли без проблем, назначили капитаном. Тренировки практически каждый день. Дух выбивает все тот же Семеныч, так что все в норме, – мыслями я не здесь. – У вас там как?

– Да все по-прежнему. Ребят из твоей бывшей команды видела, привет передавали. Говорят, надеются встретиться на сборах в сборной.

– Сборная, – усмехаюсь и сам не верю, что такое вообще возможно. – Мой менеджер, конечно, обмолвился не так давно, что мою кандидатуру рассматривают, но шансы, думаю, невелики, ма.

– Все будет хорошо, ты у меня молодец. Самый лучший, и я в тебя верю, Кирыош.

– Ох, мам, сюсюкаешься со мной, как с десятилетним.

– Для меня ты всегда будешь моим маленьким малышом.

– То есть тебя не смущает, что во мне уже два метра роста, борода и бас? – смеюсь, а сам тихонько млею.

– Ну, это все в тебе видят грозного дядю, а для меня все иначе, – серьезно говорит мама. – Ладно, сынок. Мне нужно бежать. Я рада за тебя и не волнуйся насчет сборной. Все будет, как надо. Отцу передам привет, он только ушел на заставу. Люблю тебя, милый мой, – с грустью в голосе прощается.

– И я тебя, мам. Пока. Как будете выезжать, дай знать, встречу, – прощаюсь.

Убираю телефон обратно.

– Джек, пошли домой. Ты уже нагулялся, да, друг? – цепляю поводок за ошейник. – Наша гостья наверно уже проснулась, – веду пса к дому.

Осторожно открываю дверь, в квартире стоит тишина.

– Только тихо, друг, – отпускаю пса. – Сначала лапы мыть, – командую, направляясь в душевую.

После прохожу на кухню, раздумывая, что готовить на завтрак. Кофе приготовить сумею.

– Давай ешь, – ставлю чашку с кормом для Джека.

Тот с радостью накидывается на корм, виляя хвостом. Возвращаюсь в гостиную, сажусь в кресло и прикрываю глаза. Вроде и дома у себя, но чувствую себя, как в гостях. Нет, Женька явно вписалась в мою холостяцкую берлогу. Вопрос стоит в моих ощущениях. Я впервые в такой ситуации. Из раздумий вырывает звонок мобильного. На экране высвечивается номер Леси. Черт, ее как раз не хватало! Сбрасываю

звонок. Я же с ней так и не поговорил, да и некогда было собственно. Но пресечь слухи о наших отношениях надо. Повода я не давал.

Как уснул, не понял. А проснулся от приятных запахов, распространяющихся по квартире. Я так и привыкнуть могу. Улыбаюсь, как идиот, и ползу в сторону источника запаха.

Женька в моих вещах у плиты – это верх фантазии. Темные волосы собраны в бесформенный пучок, моя футболка на ней доходит чуть ли не до колен, а шорты смотрятся почти штанами. Забавная, что-то мурлычет себе под нос. Такая домашняя, простая и в то же время максимально соблазнительная. Я реально залип, потому что не понял, когда она обернулась и, скрестив руки на груди, смотрит на меня растерянным взглядом.

– Я тебя разбудила? – раздается ее робкий голос. Хотел бы я, конечно, чтобы разбудила немного другим способом. Но для начала и приятными запахами от готовящегося завтрака сойдет.

– Доброе утро, – здороваюсь, приходя в себя. Запускаю пятерню в волосы и машу головой, сбрасывая наваждение. Кир, да ты поплыл.

– А, да, доброе, – тут же краснеет она. – Я тут завтрак приготовила. Не знаю, что ты ешь. Вот поимпровизировала из того, что оказалось съедобным в твоём холодильнике. Яичница с овощами. Белок, витамины, – пожимает она плечами.

– Я, как и Джек, всеядный, – сажусь за стол, а гостя за-

суеуилась. Разложила еду по тарелкам. И села напротив.

Вкусный завтрак поглощаем молча. Женя вроде немного освоилась и уже не дрожит, как осиновый лист на ветру. А я просто ловлю гастрономический кайф. Так вкусно готовит только моя мать.

– Ты чай или кофе будешь? – отставляя пустую тарелку, спрашивает меня девушка.

– Я сам, ты что будешь? – собираю тарелки и ставлю в раковину. – Я налью.

– Чай, – пока провожу нехитрые манипуляции, я чувствую ее взгляд. Она наблюдает за мной, и мне это нравится.

Позавтракав, мы как-то уж совсем по-семеиному обосновались у раковины. Женя моет посуду, а я вытираю полотенцем. Слаженная и неторопливая работа, в которой мы понимаем друг друга с полуслова. И эта картина мне абсолютно точно нравится. Мысли уже рисуют другие возможные варианты, и во всех она.

Так, с этим надо что-то делать, иначе я реально могу наделать глупостей.

– Ты можешь оставить меня здесь. Не надо ждать. Я и так заняла твое свободное время, – говорит она, пока мы едем к ее дому.

– Ковальчук, мы, по-моему, с тобой уже поговорили по этому поводу.

Снова звонит мобильный. Леся... Сбрасываю вызов и

небрежно откидываю мобильный на заднее сиденье.

Женя улавливает мою нервозность. И, по-видимому, принимает на свой счет.

– Просто мне неудобно тобою пользоваться. В конце концов...

– Пользуйся на здоровье, – опережаю ее.

Вскоре останавливаемся у ее дома. Дорогу сюда я хорошо запомнил. Да и до арены рукой подать, каких-то пару минут на машине.

Девушка выходит из салона авто, я за ней.

– Мама не должно быть дома, – говорит она, словно сама боится, что это может оказаться не так.

Открывает дверь. Квартира действительно встречает нас тишиной. Женя скидывает обувь.

– Проходи, – кидает мне через плечо, и я следую ее примеру, снимая кроссы.

Девушка скрывается в недрах квартиры, а я прохожу в зал. Здесь полно ее кубков и наград. Фотографии. Но разглядеть я их не успеваю.

– Вот сумку собрала, – выходит она из комнаты.

– Это все твое? – киваю в сторону наград.

– Здесь и мамины, и мои, – оттаскивает меня за руку от фотографий, – помоги мне кое-что достать.

Я впервые оказываюсь в девчачей спальне. Здесь царит порядок. Полки с книгами, медали, сувениры и множество мягких игрушек. Уютная, просторная спальня в нежных то-

нах. Наверно, если бы я представлял себе комнату девушки, именно такой бы и нарисовал.

– Вон там коробка стоит, я не дотянусь и со стулом, – показывает на шкаф.

Я без проблем достаю то, что она просит. Она недолго копается в ней, вытаскивает пару толстых тетрадей и запикивает их в свою сумку.

– Теперь можем уходить, – отдает коробку, чтобы я обратно ее поставил.

Перед тем, как выйти, она оглядывается, словно прощаясь, и оставляет ключи в прихожей, затем захлопывает входную дверь.

Теперь я уверен на все сто, что девушка не хочет больше возвращаться домой.

Загружаю ее сумку с вещами в багажник. Спортивную с формой и коньками убираю на заднее сиденье.

– Ну что, на арену? – она молча кивает и с какой-то грустью смотрит на удаляющийся дом.

До ледового мы доезжаем в считанные минуты. Припарковав машину, выскакиваю, чтобы помочь девушке. Но она сама справляется.

– Эй, – оглядываюсь на голос. – Дёмин, сука, – к нам приближается не кто иной, а сам Метлицкий.

– И тебе привет, – вытаскиваю Женину сумку с заднего сиденья.

– Я тебе сказал, чтобы ты держался от нее подальше? –

налетает на меня, уже приготовившись ударить.

Отступаю от него на шаг, пытаюсь найти глазами Женю. Девушка обходит автомобиль и оказывается рядом со мной.

– Дима, а в чем, собственно, дело? – удивленно спрашивает она у брата.

– Это я тебя хочу спросить, в чем дело? Ты где была всю ночь? Тебя мать ищет! – чуть ли не кричит он на девушку. Я отодвигаю его рукой от Жени, та настороженно прячется за мою спину.

– Спокойней, Метлицкий. Не ори.

Мне чертовски не нравится его тон. Если бы не Женя, уже врезал бы по его самодовольной роже.

– А к кому мне было обратиться, когда ты не брал трубку? – недовольно выкрикивает она в его сторону.

– Да не к нему точно, – тычет в мою сторону пальцем. – Ты же не знаешь, сколько девок прошло через его койку, – рычит Метлицкий, кидаясь обвинениями.

– А тебе не все ли равно? – защищается Женя.

– Да он же тебя трахнет и выбросит, – продолжает наступать этот бугай, приводя своей фразой меня в бешенство.

– Ты за словами-то следи, дебил, – пытаюсь его остановить. Но тот прет, как танк.

– А тебе какое до этого дело? – Женя обходит меня и встанет напротив Димы. – Я не маленькая давно. Может, я сама не против с ним переспать, а потом брошу его. Ты так не мог подумать, нет? – девушка явно была в ярости, и от ее слов

мы с Димой оба впали в ступор. И одновременно уставились на раскрасневшееся лицо Евгении.

– Я вообще-то все слышу, – говорю я, обретя дар речи.

– Ты с ним? – чуть не взвизгивает бугай Метлицкий. – Ты совсем кукушкой поехала?

– Отвали, Дима. Это тебя явно не касается, – отбирает у меня свою спортивную сумку и направляется в сторону входа.

Димыч буравит меня злым взглядом и явно собирается сказать очередную гадость. Отдергиваю руку, которой держал этого барана за куртку, отгораживая от Жени, нет никакого желания продолжать разговор.

– Кир, – долбаный день пошел не по плану. Оглядываюсь и вижу стремительно приближающуюся Лесю. Женя оглядывается в нашу сторону, видимо, услышав ее.

– Ты уж определись, Ромео, – зло говорит Дмитрий. – Обидишь Женю, тебе кранты, – и уходит в попытке догнать сестру.

Леся же времени зря не теряет и вешается мне на шею. Черт, и все на виду у Ковальчук. Бросаю взгляд на замершую у дверей девушку, но она отворачивается, открывает тяжелую дверь и прячется в здании.

– Убери руки, Леся.

Отцепляю от себя случайную подругу и проклиная дурацкую ситуацию. Идиот. Не знаю почему, но меня волнует реакция Ковальчук. Волнует и поднимает волну раздра-

жения на самого себя. Женька же после такого не захочет у меня остаться! Словно сама судьба подтверждение словам Метлицкого отправила. Одно радует, что сумка с ее вещами осталась у меня в машине. Без них она далеко не уйдет. А я за ее внимание еще повоюю.

– Ты не отвечаешь на мои звонки, – приторно сладко говорит рыжая бестия.

– А с чего ты взяла, что я буду отвечать? – достаю свою сумку из машины и, стараясь не обращать внимания на зануду, направляюсь в сторону арены, поставив на сигналку машину.

– Так, а что это значит? – останавливается она, схватив меня за рукав. – Кир?

– А что это значит, Леся? – наклоняюсь к ней, чтобы быть на одном уровне. – Ты себе что-то там напридумывала, а я должен разбираться? Нет у нас никаких отношений. Оди́нтрах ни к чему не обязывает, – специально грублю, чтобы поставить заносчивую девицу на место. – И нечего распространяться о несуществующих отношениях.

Убираю ее руку и ухожу.

– Так это все из-за нее? – кричит мне вслед. – Из-за Ковальчук?

– Не твоего ума дело, – отвечаю через плечо.

– Все-таки добилась своего, мерзкая выскочка. Раздвинула-таки ножки перед своей мечтой, – словно желчь льется из ее поганого рта.

– Что ты сказала? – хватаю ее за плечи, встряхнув разок. Что за намеки? Какой мечтой? Эта странная, брошенная Лесей фраза порождает рой вопросов в голове.

– То, что слышал, – вырывается она и бежит в сторону арены.

Глава 11. Женя

Залетаю в фойе ледовой арены разъяренной фурией. Перед глазами все еще стоит яростное лицо Димки и мерзкие слова, брошенные мне в лицо. Трахнет и выкинет. Мерзко. Но еще хуже от мысли, что, возможно, он прав. Дёмин никогда не отличался постоянством, но, может, я воспринимаю и все за чистую монету, но не верю. Не могу поверить, что после того, каким я увидела его вчера, нормальным заботливым парнем и после того, как поделилась своим сокровенным, болью от поступка отца, не верю, что он так поступит со мной. Думаю, мне он просто готов помочь искренне и... подружески. Дружба. С человеком, в которого влюблена столько лет. Не знаю, что у них с Лесей, какие отношения, но ее, так и льнущую к парню, не забуду никогда. Она единственная, кто помнит, помимо меня, о том унижительном случае с письмом. Знает, что Дёмин был моей мечтой. Так и не сбывшейся.

– Доброе утро, Пал Палыч, – киваю доброму старичку-охраннику и уже одной ногой ступаю на лестницу, ведущую на второй этаж, когда кто-то с силой дергает за руку.

– Ты совсем ненормальная?! Что ты творишь, Жека?!

– Пусти меня, Метлицкий!

Делаю попытку вырвать руку из захвата цепких пальцев, да Димка только еще сильнее сжимает ладонь на моем локте.

– Женья, одумайся! Дёмин тебе не пара, он последний скот, и ты потом будешь обливаться горькими слезами, когда эта сволочь разобьет тебе сердце.

– Да при чем тут Кир? – голос уже срывается на крик. – Мама собирается устроить переезд! Она за моей спиной, не узнав мое мнение, меняет мне тренера. Арену! Город, Дима! Она все решила за меня. А ведь это моя карьера. Это я занимаюсь фигурным катанием и столько лет пашу как ненормальная, чтобы выбиться в лидеры. Я имею право голоса, в конце концов.

Замолкаю, переводя дыхание, и на секунду прикрываю глаза, сдерживая слезы.

– Кирилл просто вчера оказался рядом. Не бросил, когда я вся в слезах помчалась по каким-то темным переулкам, а предложил свою помощь.

– Ты вообще не должна была убегать.

– Что? – чувствую, как мое лицо вытягивается от удивления. Я только что рассказала ему все. И он словно меня не слышит или же не хочет слышать и понимать. – Что значит, не должна была убегать?

– То и значит. Мать хочет для тебя лучшей жизни. Хочет помочь. Сама подумай, чего ты со своей Устиновой добьешься, а? На Европу поедешь, ну так ты там уже была. Чемпионат мира? Тоже. Это потолок для Устиновой, Женья! Пока ты сидишь в нашем богом забытом городке, годы идут, и ты все дальше от реального шанса попасть на Олимпиаду. Мать

о тебе беспокоится.

Слов нет. Пустота. Вот как иногда, бывает, смотришь на родного человека и словно видишь впервые. Нет эмоций, только одно разочарование. И тут я понимаю, что вся абсурдность ситуации заключается в другом.

– Ты знал?

– О чем?

Краем глаза замечаю залетевшую в здание Лесю, дышащую огнем буквально, а за ней Кира. И если первая пролетает по коридору, даже не заметив нас, то Кир тормозит неподалеку.

– Про встречу. Переезд. Все знал?

Братец поджигает губы и кивает:

– Мать говорила. Ира уже нашла квартиру в новом городе и покупателей на вашу.

Смех. Он появляется неожиданно. Вначале тихо и по нарастающей, отдаваясь гулким эхом в пустой бетонной "коробке". На фоне текущих по щекам слез меня раздирает истеричный смех. Я сейчас, наверное, похожа на безумную.

– С ума сойти... а я ведь, дура, верила, что ты примешь мою сторону, Дим... я думала...

– Да как ты не поймешь, Женька! Это все ради тебя и твоего будущего.

– Я ненавижу тебя! – слова вылетают неожиданно. Бьют Диму наотмашь.

– Женька...

Разворачиваюсь и хочу уйти. Дима пытается остановить меня, хватая за куртку.

– Жень, стой, давай поговорим спокойно.

– Димыч,пусти ее, – слышу уверенный голос Кира совсем рядом и мысленно благодарю. В очередной раз меня и мои желания улавливает и понимает чужой человек. Тогда как родная кровь остается глуха.

Удивительно, как бывает в жизни. Ждешь поддержку от одного, а она приходит совершенно неожиданно от другого.

Дима отступает на пару шагов от меня, смотря на Кира ненавидящим взглядом. А Кир, не обращая на него внимания, приобняв меня за плечи, уводит от брата подальше.

В горле появляется ком. Нет, слезы не наворачиваются. Обида душит.

– Ну что, – отвлекает от грустных мыслей Кир. – Девочки направо, мальчики налево? – вызывая этой фразой у меня улыбку.

– Да, спасибо, – отхожу от него на пару шагов. Хотя в его близости ощущаю себя так уютно, что меня это немного пугает.

– До вечера? – звучит неуверенно, что довольно странно.

– Угу, – киваю я, пряча улыбку от удовольствия, и скрываясь за дверью женской раздевалки.

Переодеваясь и готовясь к тренировке, витаю в своих мыслях. Мне безумно приятно от того тепла, что веет от Дёмина.

Из мыслей вырывает с грохотом открывшаяся дверь раз-
девалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.